

АНАСТАСИЯ ПОЛЯРНАЯ

ПОДРАНОК

ВПЕРВЫЕ НА СЕВЕРЕ

Впервые на Севере

Анастасия Полярная

Подранок

«Алисторус»

2020

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Полярная А. Ю.

Подранок / А. Ю. Полярная — «Алисторус», 2020 — (Впервые на Севере)

ISBN 978-5-907211-17-9

«Подранок» – таково название романа Анастасии Полярной, основная часть действия в котором происходит на Русском Севере – имеет символический смысл, связанный с двумя центральными образами книги: с образом «раненного» города и литературного героя. Главный герой, студент философского факультета московского вуза, пытается найти себя и однажды, путешествуя по Русскому Северу, узнаёт о старинном городе Сольвычегодске, полном тайн, загадок и мистики, в том числе легенд о подземных ходах, сохранившихся со времён Строгановых. Загоревшись романтической мечтой, юноша добирается в загадочный город... Первую книгу из будущего трехтомника представляет читателям автор, Анастасия Полярная (Полторацкая) – кандидат филологических наук, молодой учёный, специалист в области творчества И. Бродского, а также русской романтической поэзии XIX в. Наряду с детективной, в книге присутствуют историческая, любовная, бытописательная и мистическая линии. Содержит нецензурную брань!

УДК 82-31

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907211-17-9

© Полярная А. Ю., 2020

© Алисторус, 2020

Содержание

Карта времени	6
Пролог	8
Глава I. Разлука	12
«Отрезанный Город»	12
«Я могу говорить...»	15
Утро	17
Её решение	18
Проводы	20
Знакомство	21
«Уймись, волнения страсти!»	24
Глава II. Юность	26
Утро. Трещина на подоконнике	27
Дядя Ваня	30
Люда	33
Учительница рисования	41
Университетская пора	50
«ИРЛЯ»	53
«Бред»	56
«За флажки, жажда жизни сильнее!...»[8]	60
Впервые на Севере	62
Видение на берегу	65
Пал Палыч	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Анастасия Полярная
Подранок
Впервые на Севере
Том 1
Роман

Славному северному городу – Сольвычегодску – посвящается, и его жителям, ныне здравствующим и покинувшим этот мир.

Выражаю глубокую благодарность Ольге Александровне Маркеловой и Валентине Юрьевне Петровой за помощь при подготовке рукописи к печати.

Анастасия Полярная

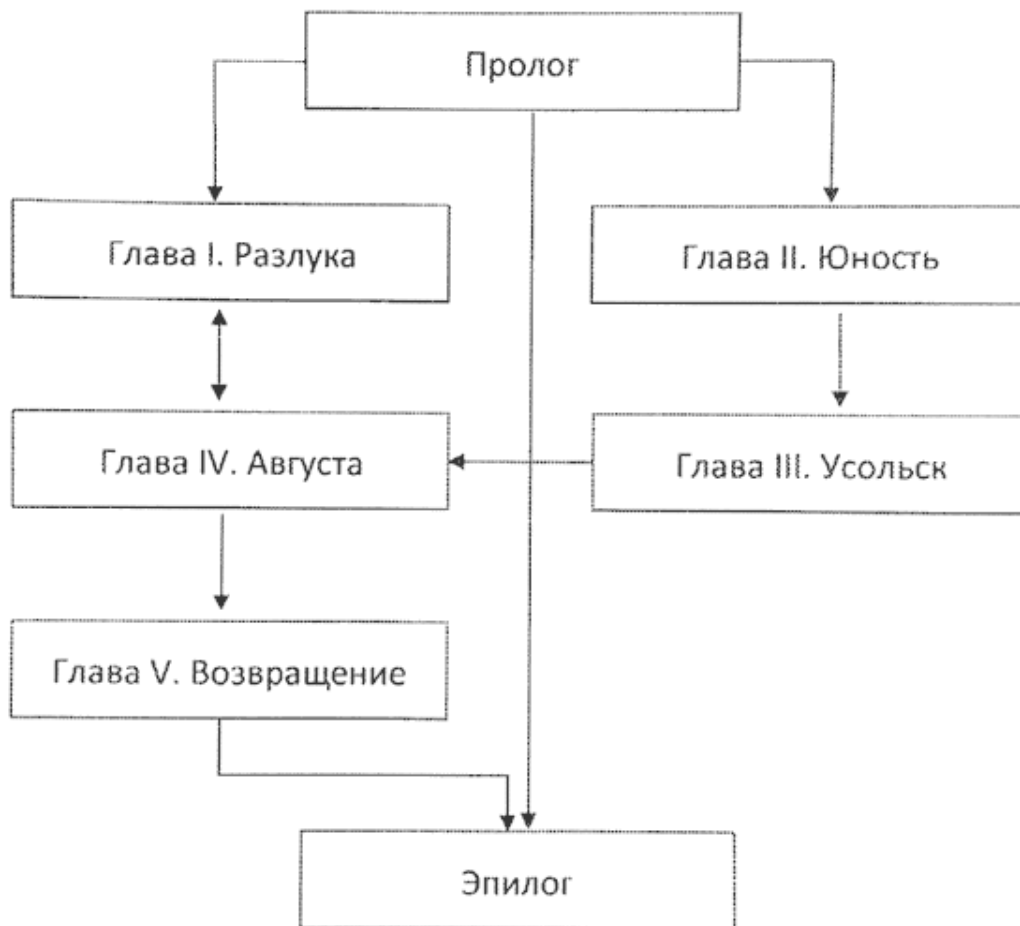
* * *

Давая возможность авторам высказаться, Издательство может не разделять мнение авторов.

© Полторацкая (Полярная) А. Ю., 2020

© ООО «Издательство Родина», 2020

Карта времени

«В обширных русских владениях есть много ныне заброшенных древних культурных центров. Когда-то служили они средоточием в созидании великих духовных ценностей народа. В них созревала духовная личность, создавались материальные блага. <...> И, как таковые, они представляют для истории культуры основные точки отправления. Стоит только обратиться к сохранившимся в них немым свидетелям прошлой жизни края. Много неведомых страниц из книги древнего бытия они откроют и много древних красот воссоздадут. А тем, кому дорого искусство, для кого оно – источник воды живой, – тем эти центры послужат путеводною звездой к открытию новых горизонтов или расширению прежних. <...> Это – средоточие древних обособленных миров...»

«Среди многих забытых центров на пространстве необъятной России на первом месте должен быть поставлен город Сольвычегодск».

«...сей город казнён многими ранами, ово моровым поветрием и гладом, ово нашествием супостатов, побитием многих граждан и частыми огненными воспалениями, а с начала и до днесь стремлением реки Вычегда, метанием городских берегов...»

Николай Макаренко «Искусство Древней Руси: у Соли Вычегодской». Петроград, 1918 г.

Пролог

«Я могу говорить...»
Андрей Тарковский

Из-за речного поворота открывался старинный город. На холме, на самом берегу Вычегды, высился белокаменный собор, величественно устремившийся в небо пятью куполами и долгим шпилем колокольни, погнутым у вершины.

Статный темноволосый мужчина средних лет в светлом атласном костюме стоял на пароме обособленно и напряжённо смотрел на приближающийся берег. Порывистый ветер бил ему в лицо, трепал густые короткие волосы, нещадно нарушая укладку, развевал полы пиджака, играл галстуком. Не обращая на это внимания, мужчина продолжал вглядываться в силуэты городских строений. Глаза его были чуть прищурены, взгляд внимательный и сосредоточенный; глубокая горизонтальная складка разделяла его лоб надвое; её пересекали две короткие вертикальные морщины, резко обозначившиеся у переносицы.

Этот человек выделялся среди остальных пассажиров. Он был довольно высокого роста, смуглый; глаза – карие, почти вишнёвого цвета, чуть прищуренные, нос с горбинкой; носил подстриженные усы, переходившие в аккуратную щетинку, покрывавшую раздвоенный подбородок; на шее блестела золотая цепочка, отвлекая взгляд от побелевшего от времени огромного шрама. На первый взгляд казалось, что его отличала ухоженная внешность и особая манера одеваться: элегантно и дорого, но несколько старомодно; более же внимательному взору открывалось присутствие в нём чего-то трагического, странное сочетание брутальности и какой-то болезненной утончённости. Держался мужчина уверенно и отрешённо.

Паром причалил к берегу неподалёку от собора. Пассажиры неторопливо готовились к выходу. Константин, так звали задумчивого мужчину, подхватил чемодан и поспешил с нетерпением на берег.

Ступив на песчаную насыпь причала, он обернулся. С парома гурьбою шли люди, следом выезжали автомобили. Пожилой коренастый паромщик в ватной телогрейке и броднях с завёрнутыми голягами, похожий на пингвина, точными жестами помогал водителям выехать.

Песчаной извилистой улочкой, пробиравшейся между одноэтажными бревенчатыми домами, Константин направился к гостинице, но, дойдя до деревянного мостика над маленькой речкой, остановился, окинул взглядом окрестности и неожиданно повернул в сторону собора.

Поднявшись на холм, он прислонился спиной к каменным уступам собора и молча стоял, устремляясь взглядом куда-то вдаль, за Вычегду, к подпиравшим небосвод соснам.

Некогда судоходная река посылала долгие волны к берегу, словно тоскуя о прошлом... Вдалеке, почти у самого горизонта, на мысу виднелся одинокий маяк; покачивались бакены; пахло тиной и йодом.

«Неужели я снова в этом Городе?! Удивительное ощущение: его словно на какой-то *ключ временной закрыли*: в нём Время уснуло, замерло, вернее, его здесь нет... Здесь ничего не меняется... Всё – то же, что и двадцать лет назад: та же своенравная река, кедры и белый камень... Мост так и не построили. И, видно, никогда его не возведут. Да и слава Богу: тот, кому надо, доберётся. Интересно, приехал ли бы я сюда ещё, если бы не крайняя необходимость? Вряд ли», – думал мужчина.

В последние пять лет куда-либо выбраться из Москвы Константину представлялось почти невозможным: он был настолько загружен работой, связан обязательствами и обстоятельствами. Это изрядно его утомляло, но, втянутый в круговорот повседневной столичной жизни, Константин не мог из него вырваться. В столице у него никак не ладилось последнее

произведение; время шло, а договор с издательством был подписан. Сюжет давно выстроился, но, всякий раз перечитывая написанное, он исправлял и оставался недоволен.

Выход пришёл неожиданный: Константин почувствовал душевную потребность покинуть шумную Москву и отправиться в далёкий северный город, тихий и старинный, ставший когда-то его творческой родиной, чтобы вдали от суеты поработать над рукописью. Интуиция подсказывала ему, что *там* он успешно закончит начатое произведение. Этот маленький Город, обозначенный далеко не на каждой карте, необъяснимо силой влёт к себе Константина. Ещё в юности он написал там свои лучшие вещи, а потом, что называется, «поставил руку» и работал уже «автоматически»: выполнял литературные заказы, давал интервью, выступал на мероприятиях, читал лекции.

Внутренняя потребность оказаться в том Городе с каждым днём нарастала и всё больше и больше приобретала для Константина характер необходимости.

«Город сам позвал меня. Он мне поможет», – наконец, решил он, укладывая чемодан бумаг, и в тот же день купил билет на поезд.

...Сложную смесь чувств и переживаний испытывал Константин, стоя на берегу Вычегды, возле Благовещенского собора. Он чувствовал особый *дух этого Города*: дух старины и тайны, сопричастности к каким-то космическим безднам.

«Всё-таки замечательно, что я здесь!» – промелькнуло у него в голове: в этот момент мужчину посетило то полузабытое ощущение душевного подъёма, которое он здесь испытывал прежде: будто Город его подхватывает и несёт...

Константин знал, что это внезапно нахлынувшее чувство сулило ему *озарение* – то, ради чего он сюда поехал. Только в таком иступлённо-восторженном состоянии он может по-настоящему творить.

В такие периоды он воспринимал себя и окружающий мир особо: все внешние реалии утрачивали привычное значение, становясь либо образами-носителями какой-то потаённой информации, либо символами; процессы еды и сна сводились к физической необходимости, требующейся для поддержания сил. Он старался как можно больше успеть, не думая ни о чём, кроме своего творчества.

Некоторое время постояв в задумчивости, мужчина достал из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку и принялся торопливо заносить приходившие полубессознательные образы.

«Огромное покатое небо раскинулось над Городом, покрывая его незримым шатром. Своды небесного шатра, обнимающие Город, – разные со всех четырёх сторон: куда ни посмотри – открываются завораживающие богатством оттенков дали. Недостижимо высоким и одновременно близким видится небо в этой точке Вселенной: стоит только построить мысленную дугу, наподобие радуги, от одного его конца до другого – и бесконечные загадочные просторы становятся постижимыми: кажется, ты способен дотянуться до облаков, не только взглядом – рукой ощущая их невесомость, коснуться лазоревой эмали потолка мироздания и причаститься душой таинственной красоты, сознавая себя частицей этой великой Природы. Если долго смотреть на это небо, возникнет ощущение, что здесь сходятся горизонты, подобно меридианам у полюсов Земного Шара: привычный физический околём соприкасается с невидимой границей непознанного. Под этим небесным сводом, над загадочным, древним Городом, здесь, именно здесь, в этой точке Вселенной, сходятся разные планы бытия, связанные энергетическим узлом, – реальный и сверхчувственный миры.

Глядя на это небо, ты проникаешься атмосферой этого Города, где можешь ощутить себя в любом возрасте, в любой временной точке, и неожиданно почувствовать свою невидимую, надвременную сущность...»

Оставшись довольным удачно «пойманной» мыслью, Константин отметил про себя, что «её непременно надо включить в размышления героя».

– Простите, вы местный? – неожиданно послышалось за спиной.

Мужчина вздрогнул, с трудом вырываясь из доступного только ему мира чувств и размышлений, и неохотно обернулся. Перед ним стоял пареньёк в бейсболке, в потёртых джинсах, с походной сумкой через плечо. Его лицо показалось Константину знакомым, но почему-то он был уверен, что они никогда не встречались.

– Что? – переспросил мужчина хриловатым баритоном и, не дожидаясь ответа, будто самому себе, сказал: – Наверное, местный...

– Здесь есть гостиница?

– Пойдёшь вверх этим косым переулочком и за большими тополями справа увидишь.

– Далеко? Чуть ли не час здесь брожу – и всё время почему-то выхожу на берег, – пожаловался пареньёк.

– Да за час можно обойти кругом весь город! Видать, он тебя испытывает, – произнёс Константин задумчиво. – Старики говорят, что само место, на котором он стоит, было выбрано неслучайно: неспроста здесь, на маленьком пятачке земли, некогда высились тринадцать храмов... Даже свод небес здесь особенный, – добавил он и, обведя взором окрестности, поднял глаза к небу. – Нигде больше я не видел такого.

– Я тоже, сколько путешествую, – отозвался пареньёк, проследив за его взглядом. – Неспроста меня так притягивал этот Город. Вы историк?

– Я Автор.

«Почему он об этом спрашивает?» – пронеслось в голове у Константина.

– А закурить у вас не найдётся?

– Только «Беломор».

– Сойдёт, – ответил юноша с едва заметной ухмылкой, и в его голосе Константину послышались знакомые нотки.

«Где же я его видел?» – подумал мужчина, окидывая взглядом собеседника. Он не сразу заметил безобразный шрам на его шее, уходивший глубокими бороздками под рубашку. По-прежнему глядя вдаль и о чём-то отстранённо думая, Константин извлёк из кармана портсигар, раскрыл и предложил парню.

Но никто не потянулся к нему рукой; только ветер с Вычегды обдавал приятной освежающей прохладой широкую ладонь с лежащим на ней старинным портсигаром. Константин повернул голову и увидел, что никого рядом не было...

– Где ты? – окликнул он юношу, озираясь. – Эй! – позвал громче.

Но ему никто не ответил. Потрясённый, он подошёл к краю обрыва, взглянул вниз. Парня нигде не было. Только волны по-прежнему целовали берег.

Несколько мгновений мужчина стоял молча.

– Постой, – прошептал он наконец, словно о чём-то догадываясь. – Кто ты?! – уже закричал Константин.

– Кто ты-ы-ы-ы... – отозвалось эхо.

«Каждый раз в этом Городе со мной что-то происходит. Что же это за место? Здесь повсюду разлита мистика... – думал он, нащупывая пальцами ветвистые канавки застарелого рубца на горле. – В этом Городе я никогда не оказывался случайно. И произойти это тоже просто так не могло... Зачем я снова сюда поехал? Чтобы найти ответы на те вопросы, что мучают меня все эти годы...»

Мужчина спустился к реке, присел на корточки и потрогал воду. Глядя на волны и что-то припоминая, он закурил, смяв бумажный мундштук папиросы. В вышине, над его головой, раздался звон соборного колокола, наполнивший собой всё пространство. Отозвавшись многократным эхом, он повис над рекой, казалось, сливаясь с самим Временем.

«Кто я?» – прозвучало в голове Константина.

– Писатель... – вырвалось у него. – Не знаю, что это за место, но здесь я могу быть собой по-настоящему. Здесь *я могу говорить*... – прошептал он, выпуская из-под усов струйку дыма. – Не зря я всё-таки вернулся в этот Город...

Глава I. Разлука

«Отрезанный Город»

Радужный утренний свет мягко проникал в комнату, оживлял спящие предметы, возвращая им цвет. Августа ещё спала. Чуть приподнявшись, Костя посмотрел на неё и вновь откинулся на кровать рядом с нею.

«Всё-таки добрались сюда!» – подумал он, касаясь взглядом её волос, пухлых чувственных губ и разделённого ямочкой узкого подбородка.

Вчера Город не хотел их впускать. Шальная Вычегда не на шутку разбушевалась: кидала катер из стороны в сторону, кружила его, поднимала высокие, как на море, волны, отороченные белыми нарядными воротничками, придававшими им суровую торжественность, – того и гляди, опрокинет! А на середине, на самой стремнине, подпитываемые усилившимся встречным ветром и бурным течением, волны набрали такую силу, что, казалось, река встаёт вертикально, поднимается во весь рост, напористой грудью заграждая старинный город.

– Тридцать лет такого не видал! Второй раз на моём веку так река бунтует!.. Гляди, как темно сделалось! Поди, ещё потонем, – проворчал седовласый механик, стискивая штурвал загорелыми руками в выцветших синих наколках.

– Не затонем! – буркнул стоявший рядом с ним дюжий молодой матрос-лесосплавщик.

– Развернуть назад, что ли? Течение сносит, – бросил старик-рулевой, вглядываясь в пучину тяжёлым внимательным взглядом.

– Пошёл – так иди, – отрезал матрос, затягиваясь папироской. – Мы же взяли их перевезти! – он кивнул на притулившуюся в углу тесной рубки пару: невысокую ухоженную женщину средних лет с короткими рыжими волосами, в макияже, одетую в модную кожаную куртку, облегающие джинсы и щеголеватые сапожки, и темноволосого загорелого парня в камуфляжном костюме, выглядевшего заметно моложе своей спутницы.

– Не к добру это, не к добру... Не надо природе перечить! Помнится, на Печоре у нас... – вновь заговорил рулевой.

– Пора тебе на пенсию, старый, щи хлебать, – оборвал его молодой лесосплавщик.

– Костя, а мы не утонем? – обратилась женщина к парню и провела ладонью по его коротко подстриженным волосам.

– Не волнуйся, Августа, мы дойдём, – отозвался тот, пытаясь что-то рассмотреть вдали. Он стоял, насупившись, морща лоб, от чего становилась заметнее лёгкая горбинка на его носу. Женщина молчала, крепко прижимаясь к парню.

Узнав, что последний паром давно ушёл, он уговорил стоявших неподалёку лесосплавщиков перевезти их на другой берег на своём катере.

– Ты не пожалеешь, что поехала сюда: этот Город не сразу принимает, но потом открывает такие бездны! В нём даже Время течёт по-другому, – сказал парень.

– Это как? – чуть отстраняясь от него, испугалась Августа.

– Не знаю, как тебе объяснить: ни быстрее, ни медленнее, а как-то по-особому, иначе... Здесь кажется, что ты бродишь не по улицам, а по годам, по закоулкам памяти, общаешься с самим собою, с Городом, а иногда даже со временем – один на один. Здесь приоткрывается какая-то великая тайна тем, кого Усольск захочет к себе приблизить. Неугомонная Вычегда отрезала этот Город не только от пространства – от Времени. Понимаешь? – говорил парень, не замечая, что женщина уже его не слушала.

«Зачем я только села в этот катер!..» – думала она.

Хмурый матрос косился на них исподлобья.

А на другом берегу поражал своей красотой и величием старинный белокаменный собор с изогнутым саблей шпилем колокольни. Он внушал спокойствие и уверенность. Берег приближался.

– Только здесь я ощутил Время в разных ипостасях. Взгляни вокруг – оно замерло. Отсюда рукой подать до любой эпохи: настолько здесь всё насыщено великими событиями и загадками. Здесь Время не мёртвое; оно уснуло, – продолжал Костя, не замечая, что катер, преодолев течение, уже подходил к берегу. – В этом Городе с его вековой историей река отсчитывает линейное Время, волнами, стирая камни, с давних времён лежащие по берегам; стелет волны, словно слои памяти, на песок, переносимый ветрами. Переезжаешь на пароме за реку – попадаешь в *другую Эпоху*...

– Мы приехали, веди же меня скорей! Я замёрзла, – оборвала его Августа.

Поблагодарив мужиков, парень ловко соскочил с корабельного трапа и протянул руку спутнице. Она неуверенно приняла его крепкую ладонь и ступила на сольвычегодскую землю.

Костя неторопливо окидывал взглядом окрестности этого до боли родного ему Города – живая старина здесь застыла кругом. Её присутствие угадывалось во всём: в бревенчатых домах и каменных строениях былых веков – особняках и трёх уцелевших храмах; в грунтовых улочках, лежащих там же, где и столетия назад; в его трёх озёрах – трёх братьях: Солёном, Жемчужном и Пожарном; в трёх деревянных мостах через маленькие пересекающие его речушки, в заколдованном свете небесных звёзд над ним и сольвычегодских окон...

Ему было сложно определить свои ощущения: они не укладывались в рамки логических, описывающих реальность понятий.

«Этот Город-Хранитель сберегает не только свою священную старину, но – какое-то древнее знание, накопленное веками, истинное и ценное: здесь не просто так, не беспочвенно слагаются легенды и предания, рождаются сказания и песни, создаются стихи и иконы и обтачиваются временем вековые камни... Даже сказочные ведьмы, что взлетают в ступах над лесом, словно цапли, кругами, постепенно набирая высоту, не берутся в народном сознании „из ниоткуда“: они присутствуют где-то здесь... Из крупных городов это уходит. Наступает прогресс и гонит сказку в глушь. Упрощая жизнь, он сулит удобства, но лишает её чего-то несравнимо более ценного. А здесь, на Севере, сохранилось ещё многое из той, старой жизни. И не только благодаря яичному белку здесь уцелела каменная древность; на старинных рецептах, на самом духе держится она в этом отрезанном рекою Городе. *Вываться и уехать отсюда невозможно, даже не стоит пытаться – некуда; Город возвращает тебя обратно: он решает сам, кого отпустить, а кого оставить*».

Неожиданно налетевший свирепый порыв ветра бросился им под ноги, чуть не сбив Августу; грунтовая улица на глазах начала сужаться и вилять, дом подступал к дому, заграждая дорогу.

– Мне страшно, – прошептала женщина. – Теперь я верю, что в этом городе, действительно, господствуют какие-то силы...

– Пойдём, не бойся. Дай мне руку, – сказал Костя, беря её за руку и стараясь заслонить от ветра, шагнул в туман, «раздвигая» дома.

– Мне страшно, – повторила Августа.

Шаг за шагом они постепенно продвигались в тумане. Неожиданно, рассекая мглу, навстречу им вышла дородная женщина в платке и ватной телогрейке, в которой Костя сразу узнал местную знахарку тётю Валю. «Что делает она здесь в такое время?» – подумал он, зная, что вечерами целительница обычно занимается хозяйством.

– Батюшки! Кого только не несёт в наш Город! – закричала тётя Валя незлобливо. Окинув Костю пронзительным взглядом, она посмотрела на его спутницу и, не сводя с неё глаз, обратилась к нему:

– Ты, парень, вот что, завтра зайди-то ко мне, не позабудь! – велела целительница и, перекинув через плечо охапку свежей травы, неуклюже заковыляла в сторону дома, тяжело переваливаясь на коротких больных ногах. – Обязательно уж зайди! И чтобы – один! Надобно, – вдруг, обернувшись, повторила она требовательно. – Сегодня уж я в ограде¹ с козами обряжаться² буду. И, вот что, не делай ты этого! – добавила старуха, погрозив ему кулаком.

– Чего? – удивился Костя.

– Сам знаешь! Ничем хорошим не кончится! – бросила на ходу знахарка, из-под её платка выбилась седая прядь, и в глазах сверкнули молнии.

– Странная она какая-то, – шепнула Августа, когда большая коротконогая фигура женщины скрылась в тумане.

– Она хорошая, добрая. Ты её не бойся, – сказал Костя. – Только на вид сурова и резковата бывает. Это у неё по настроению...

Между тем, они приблизились к цели – к деревянному двухэтажному дому-гостинице.

¹ «Оградой» на Севере называют забор, ограждение для скота. (Здесь и далее примечания автора.)

² Обряжаться – ухаживать за скотом.

«Я могу говорить...»

Когда Августа уснула, Костя встал, тихо достал свои бумаги и сел к столу. Наконец-то он мог предаться творчеству! Но, так и не взявшись за ручку, просидел допоздна, как безумный. Назойливая мысль не давала ему покоя: «Зачем я пишу? Кому, кроме меня, это по-настоящему нужно? Августе? Она по-другому воспринимает реальность. Взять, к примеру, поезд: для неё он – только транспортное средство, в котором время тянется „скудно и нудно“, „пространство почти отсутствует“ и, главное, „нет горячей воды“. А ведь путешествие в поезде – это целое приключение. Особенно поездка на Север».

Каждый раз, приезжая в старинный город на Вычегде, он чувствовал неповторимый дух, разлитый в его пространстве: в коричневых от времени «пятystenках», изначально строившихся на две семьи, с обязательным чердаком – мезонином, придающим дому особую нотку; в узких кривых улочках, по которым купцы возили меха из Сибири, а потом ещё долго по ним же шли этапами заключённые; в торжественной красоте величественного, отовсюду зримого, старинного собора с высоким, кривым шпилем; в озерцах, лугах, долговязых лиственницах и мохнатых кедрах и не менее удивительных жителях этого Города... Во всём: в его уличной живности – собаках, преимущественно сибирских лайках, и бесконечно пушистых котиках, то и дело появляющихся в различных уголках городского пространства: на заборах, в окнах домов, на крылечках, прямо на улице, на перилах, на деревьях; в фонарях, зажжённых кое-где керосинках, старинной деревянной больнице, ещё земской, состоящей из нескольких построек; в самом ритме жизни – спокойном, размеренном, в трёх-четырёх магазинах, разбросанных по городу; белокаменном здании с колоннами в самом центре – бывшем доме купцов Пьянковых, от которого так и веяло стариной; в древнем размытом кладбище и широкой строптивой реке, в водокачке, перестроенной из старинной церкви заброшенной мельнице и в почти высохшем Пожарном озерце; в трёх деревянных мостиках: коротком, который так и зовут – «маленький» или Уточкин, Знаменском и «длинном». Город можно обойти кругом любым из них, что Костя находил символичным; лишь весной, когда разливается Солёное озеро, затопляя Уточкин мостик, половодье вынуждает отдалённо живущих горожан делать большой крюк.

Эти реалии, как и всё в этом Городе, казались ему исполненными таинственного и несущими на себе печать инобытия, подкреплённую всевозможными легендами и слухами.

Немало загадок было связано с Сольвычегодском. Костя знал о происходивших в нём исцелениях: даже страшные, порой безнадежные недуги, неподвластные медицине, успешно врачевались в Городе и его окрестностях. Вспомнились слова тёти Вали: «Эти земля и вода уникальны: они наделены священной силой, которую впитывали веками, а теперь – отдают людям».

«В его огне и камнях, в воде и ветре, несомненно, кроется какое-то могущество, выходящее за пределы земного мира. Неспроста огонь – древний языческий символ – воплотился в церковной свече. А зажжённая свеча, может быть, – одна из общих точек пересечения христианства и язычества, – размышлял парень. – В этом Городе у меня появляется способность разговаривать с рекой, с небом, с деревьями, с камнями. И это удивительно, но они мне отвечают; не раз я сталкивался здесь с необъяснимыми вещами...»

Однажды, во время вечерней прогулки возле Солёного озера, ему показался силуэт старика, стоявшего на небольшом дощатом плоту посередине водоёма. Полусгнивший плот едва держался на плаву, но, несмотря на это, старик смело по нему расхаживал, ничуть не опасаясь соскользнуть в воду. Костя подошёл ближе, и видение исчезло. А спустя какое-то время он случайно услышал от местной старушки, что «...много лет назад по этому озеру плавал на плоту совсем пожилой дедушка и черпал со дна целебную грязь для врачевания разных хвороб».

Костя рассказал о случившемся тёте Вале.

«Выходит, я вижу здесь то, что было раньше?! Где же граница этих реальностей?»

«Не ищи! Здесь всё перемешано. *Ведь этот Город – и есть Сгусток Времени*», – ответила знахарка.

«Может, отсюда – ощущение этого могущества безграничной власти, которой обладает лишь Время?! И если я был рождён не там и не в ту эпоху, приезжая сюда, ощущаю себя в своём Времени». Он остро чувствовал неистинность, фальшь и подмены в той жизни, которая осталась на том берегу, за рекой, за лесами, за дорогой; за много километров отсюда, где нет белых ночей, где люди, цепляясь за свои норы-клетушки и собственные ничтожные цели, думают, что живут, что они защищены...

В ту ночь Константин так ничего и не написал, но остался доволен: теперь он знал, как развязать тугой узел проблем в ситуации с Августой. Как только она проснётся, он непременно поговорит с нею... Ведь не просто так, наконец, они добрались сюда, в этот заколдованный Город!..

Утро

Яркий живительный свет, ворвавшись в комнату, давно озарял её. Августа открыла глаза и потянулась. В эту ночь ей приснился плохой сон.

Костя опёрся на локти, пытаясь поймать её взгляд, скользнул глазами по позолоченным солнцем волосам, по выдающимся скулам и маленькому острому подбородку с ямочкой, отмечая утреннюю бледность возлюбленной, вздувшиеся голубые жилки, пульсирующие у висков и нацеленные вниз уголки пухлых губ. Августа отворачивалась: ей не нравилось, когда он видел её без макияжа. Всё же Косте удалось встретиться с ней взглядом. В её глазах он увидел печаль.

– Что случилось, Августа? – спросил он робко.

Женщина едва заметно улыбнулась, покачала головой и ласково обняла его за плечи.

– Маленькая моя... – прошептал он и провёл по бархатным волосам ладонью.

Августа попыталась улыбнуться шире, надеясь скрыть подступившие слёзы.

– Ещё вопрос, кто из нас маленький, – хотела она пошутить; лицо же её выражало радостное полумиление и полустрадание одновременно, а у кромки ресниц застыли готовые вот-вот сорваться слёзы.

Распахнутые серо-зелёные глаза, чуть раскосые, задумчиво смотрели на него снизу. Парень продолжал ловить её взгляд.

– Пора вставать... – вздохнув, будто сама себе сказала Августа.

– Так что же случилось? – повторил он.

Женщина закрыла глаза и помотала головой, слегка удивлённая его непривычной настойчивостью, и в следующий момент откинула одеяло и встала.

Её решение

- Мне надо ехать.
- Дай мне сигарету.
- Я хочу покурить одна...

Августа стояла на перекрёстке... С жадой втягивала в себя дым и грациозно стряхивала в сторону пепел. Надо возвращаться к семье, к мужу. Что делает она здесь – с этим пареньком, со студентом?.. Да, ей нравится крепкое молодое тело, рельефные руки, широкая грудь... Ей хорошо с ним. Нравится, как он её стискивает до боли и хруста суставов в своих крепких объятиях, нежно гладит не по годам загрубевшими потрескавшимися пальцами; его камуфляжная куртка с приставшим навек запахом пота и сигарет, короткие волосы и страстный взгляд. Ей это приятно. «Костя – человек необычный. Он кажется гораздо взрослее и опытнее своих двадцати двух лет. В столице он живёт иной жизнью: он зажат московскими стенами, но, наверное, может многого добиться, если, конечно, захочет. Он ещё учится в университете, но у него уже есть немало публикаций. В Москве он всерьёз занимается наукой и своим творчеством. Там – все условия, но почему-то его всё время тянет сюда, на Север». Августа не читала его сочинений, но то, что Костя сам иногда ей зачитывал, слушала с удовольствием. «Мне нравятся его рассказы и рисунки. Правда, когда он начинает рассуждать о жизни, мне не всегда понятно то, что он говорит. Как он обходится без телевизора и мобильного? Его даже мало интересует то, что происходит в мире! Безусловно, он очень странный, но надо отдать должное, что он, несомненно, талантлив». Всякий раз, когда Августа замечала обращённый в его сторону заинтересованный взгляд женщин, она ловила себя на мысли, что ей это неприятно.

Господи! Она со студентом! Порой она ощущала себя похотливой сукой, заурядной уличной развратницей. Но эта мысль, едва коснувшись её сознания, тут же покидала его, не оставляя никакого следа. Дома, как обычно, ничего не меняется, а если изменяется, то в худшую сторону: ждёт надоедливый супруг, пристают со своими проблемами почти уже взрослые дети. И всем от неё что-то надо, надо... И ещё *тот, другой*... «Ах, оставили бы они все меня в покое! Хотя нет, не надо. Лучше бы он звонил. Хоть иногда, хоть изредка... Во что я могла поверить? В иллюзию!.. Но так жалко расстаться с иллюзией, потерять её так горько... Мне хорошо здесь, с Костей... Я забываю, что он студент, отвлекаюсь от надоевшей домашней рутины, от неизбежности того, что не светит никаких перспектив, только дом, внуки... Внуки... Не рано ли мне думать о внуках?! Как я могла так обмануться, „подсев“ на слова пожилого профессора, уверявшего меня в своих чувствах?! Виктор умеет красиво говорить... Я жаждала настоящей высокой любви, того, чего была лишена... гналась за мечтой! А тут – он. С ним я впервые почувствовала вкус жизни!.. Как же быстро всё закончилось... Не знаю, как я пережила бы разрыв, если б не встретила этого паренька. Он просто вытащил меня из депрессии! Он стал мне необходим», – думала Августа.

Здесь, ставя вместе с Константином силки на рябчиков и ловушки на глухаря, заколы³ и вёрши⁴ на рыбу, проверяя сетки и ухोजья⁵, выезжая вдвоём с ним рыбачить поплавнем⁶ на моторной лодке на середину могучей реки, настолько широкой, что в какую сторону ни помотришь – берег кажется еле виден, она отвлекается, забывает *его*, московскую квартиру, суету, проблемы. Но иногда и здесь, в тайге, глядя на небо из-под крон вековых деревьев, каза-

³ Заколы – здесь: деревянные столбики, вбитые в дно на северных реках, между которыми натягивают сеть, дабы зашедшая с водой рыба не могла выйти во время отлива.

⁴ Вёрши – ловушки для рыбы, сделанные из ивового прута.

⁵ Ухोजье (или пúтик) – охотничья тропа с установленными на ней ловушками.

⁶ Поплавень – сеть для ловли крупной рыбы с поплавками и грузом, закреплённым на разных её сторонах.

лось, задевавших вершинами звёзды, она вспоминала Виктора... Но она уже не думала о нём беспрестанно, стараясь вызывать в мыслях его образ. Всё беспристрастнее вспоминались его глаза, светящаяся улыбка, обрамлённое уложенными седыми волосами холёное лицо. Отсюда он казался ей другим: искателем удовольствий, жестоким и хитрым.

Северная природа смягчала боль. Быстрые широкие реки, деревянные избы и избышки в лесу; Костик, его руки – сильные, жилистые, загорелые, блестящие восхищённые глаза и необузданный темперамент, свойственный юноше его возраста. А как он безмерно радовался, когда вчера она опоздала на поезд и была вынуждена задержаться с ним ещё на один день, вернее, на одни сутки! Как кружил её в воздухе, носился, подпрыгивая, словно подросток, обнимал деревья и вдобавок насобирав ей трогательный букет луговых цветов, чтобы она не сердилась... «Станный он, этот Костик. Никогда не знаешь, чего от него ожидать. Иногда он ведёт себя, как мальчишка. Господи, как он ждал эту третью субботу августа, с которой открывается охота! Чего стоят одни его приготовления. Смешно так радуется, когда в силки попадает косач или пеструха... Иногда бывает отчаянным и до неприличия дерзким: его совершенно не волнует мнение окружающих, может такое отмочить, что мне потом стыдно.

Пару раз мне было с ним страшно. Я не знала, что делать. Он жутко нервничает, когда слышит о Викторе, когда чувствует, что я о нём думаю. Ему мерещатся мои мысли, ожидания звонков... В такие моменты он становится безумным и агрессивным! Ломает удочки, швыряет наживку... Один раз схватил доставшееся ему от дядьки-охотника старинное ружьё и так хватанул им себя о колено, что от ружья отлетел деревянный приклад. А подчас он бывает настолько мудрым, что мне кажется, будто не я, а он намного меня старше, что у него за спиной целая жизнь. Он даже предугадывает некоторые события и так часто оказывается прав!

Мне хорошо с ним. Он искренен. Я не хочу отпускать его... С ним, почему-то только с ним, у меня появляется новое ощущение: будто растворяется привычный нам видимый мир с его невзгодами и вечными несостыковками желаний и событий, и открывается какая-то совершенно другая жизнь, и становится легко-легко... В такие мгновения мне кажется, что этот, другой мир и есть настоящий, а наш, обыкновенный, – его тень, пародия или сон. Это ощущение мне дарит он. Но... какое у нас может быть будущее?.. Я старше его, мне тридцать восемь!.. Я старше. Этим всё сказано...»

Проводы

Поезд уже стоит. Зелёный, с облупившимися боками. Нескончаемая платформа.

– Пойдём быстрее. Я хочу в вагон.

– Ты хочешь скорее со мной расстаться?

– Я хочу в вагон.

Впереди полно времени. Тяжёлые стрелки круглых вокзальных часов медленно подползают к семи.

«Поцелуй меня, Августа...»

Её серо-зелёные глаза сочувственно на него смотрят...

– Нет-нет. Дальше не ходи. Я сама. Я одна.

– Что я в замызанной куртке? Это не куртуазно?..

Пока поезд не ушёл, Костя тщетно вглядывался в оконце её купе. Оно казалось ему беспощадным. Августа не видела его. Она смотрела в другую сторону. Кого-то долго провожали, обнимались. Какая-то женщина в вагоне, заметив одинокого молодого человека, печально смотревшего на окно, казалось, что-то говорила, даже показывала на него Августе... Поезд тронулся, и франтоватый парень примерно его же возраста, провожавший свою подругу, прыгнул с поднятой подножки. Константин ещё долго стоял на платформе...

Он любил поезда, и впервые поезд показался ему зелёным удавом, стягивающимся в кольцо у него на шее. Становилось нечем дышать...

Он знал, как ставить силки на разных животных: на горноста, песца, куницу; знал, как выследить и подстрелить утку, а также боровых птиц: глухаря, рябчика, тетерева; знал, где находятся лисьи норы и как себя следует вести вблизи норы; однажды он даже ходил на лося и кабана, мечтал о медвежьей охоте. Каким-то особым, подаренным от природы чутьём он угадывал повадки зверей, предчувствовал их поведение; знал, где и в какое время стоит в ямах сёмга, когда надо идти за ней. Но он не знал, не мог угадать или предвидеть, как быть в сложившейся ситуации... Проводив поезд, он быстро возвращался, хотя спешить не было надобности. Поезд умчался, увозя её за вокзальную пыль, за семафоры, за железнодорожные мосты над путями, ритмично постукивая колёсами, и в первый раз в жизни этот стук был ему неприятен, отдавал какими-то трагическими аккордами траурного марша.

«Ах... Зачем я... Если бы он зашёл в вагон, поставил вещи на полку плацкарты. Только бы увидеть ещё раз его охотничью куртку, его смуглое лицо вполоборота, падающую на лоб прядь волос, этот нос с горбинкой, поправить вечно заломанный воротник, вдохнув его запах – одеколона, сигарет и лесной охоты. Какой он неаккуратный! Всегда раскиданные патроны, острога⁷, сигареты. Раздражает, нет, иногда меня просто бесит его отношение к быту, но что бы я делала, если бы он был другим?! Почему он не пошёл в вагон? Потому что я сказала? Такой упрямый всегда, а здесь...» – думала Августа.

Поезд увозил её в другую, московскую, жизнь.

⁷ острога, или бстрог, – специальная палка с насаженной на неё перпендикулярно металлической пластиной с длинными зубьями для лучения рыбы.

Знакомство

Обратного автобуса в Город уже не было. Костя шёл пешком... Смеркалось. Начиная с середины августа на Севере темнеет рано, кончаются белые ночи; а сейчас уже разгар сентября.

Дорогой он вспоминал, как они познакомились.

В свободное время он подрабатывал извозом на старой, доставшейся ему от дяди «девятке». В тот день ему не везло с пассажирами, и Костя уже хотел было возвращаться, но увидел голосующего солидного мужчину и рядом с ним моложавую красотку с элегантною муфточкой из горностая. Мужчина велел отвезти их на Крымский мост, к Центральному дому художника, и вольготно расположился с дамочкой на заднем сидении.

Что-то странное показалось Косте в их взаимоотношениях, и он, обычно не обращавший внимания на своих пассажиров, стал невольно прислушиваться к их разговору и лишней раз бросать взгляд в зеркало заднего вида. Мужчине на вид было около шестидесяти лет; он обладал холёной внешностью: тщательно уложенные белые, как снег, волосы, очки в тонкой дорогой оправе; гладко выбритый и надушенный; держал себя властно и даже подчёркнуто грубо. Его спутница была печальна, но натянуто улыбалась, явно пересиливая себя.

Когда они подъехали к месту назначения, пассажир протянул Косте мятую пятисотку со словами: «Сдачу оставь себе». Парень успел заметить золотой перстень и обручальное кольцо на его коротких мясистых пальцах. Следом за ним выходила его спутница и, на секунду задержавшись, словно невзначай, бросила мимолётный взгляд на Константина.

«Странная пара», – подумал он, трогаясь с места, и в этот момент наткнулся взглядом на вывеску: «Выставка художников-авангардистов». Словно что-то толкнуло парня: ему нестерпимо захотелось посетить эту выставку. «Хватит с меня на сегодня пассажиров», – решил он, припарковался и пошёл в сторону Дома художника.

Перед выставочным залом выстроилась очередь, змеившаяся длинным хвостом. Повернув голову, Костя увидел пожилого невысокого человека, уверенно направлявшегося к служебному входу, и цокавшую за ним по асфальту женщину и узнал в них недавних своих пассажиров, усмехнулся и стал в конец очереди.

Выставка его приятно удивила: Костя даже не ожидал, что испытает здесь такие эмоции – некоторые картины заряжали своей энергией. Одни сразу впускали его в своё пространство; другие, напротив, заставляли задуматься, но все полотна делились с ним неявной информацией. Особенно впечатлили Константина работы экспрессиониста Анатолия Зверева и грузинской художницы Наны Манджгаладзе. Художница использовала любые материалы: землю, сухую траву, мох, лак, краску. Её композиции удивляли его своей необычностью, психологизмом и полнотой живого непосредственного чувства. Каждая из работ отражала определённый момент, вероятно, из жизни самой художницы, и в то же время воспринималась отвлечённо. Картина «Разлука» привлекла его особенно: на ней были изображены два дерева – одно сломанное. Чувство непоправимости и безнадёжности, заложенное в эту композицию, показалось студенту глубоко созвучным его внутреннему состоянию.

Костя неторопливо ходил по залу, рассматривал работы, подолгу останавливался возле каждой. Художница, женщина средних лет, увидев заинтересованного парня, подошла к нему; разговорились. Костя сказал, что сам увлекается живописью и спросил, продаёт ли она полотна. «Только выставяю. Но вот эту репродукцию я тебе подарю», – она протянула ему красочный морской пейзаж с рубиновым небом и волнами, набегающими на гранатовые валуны, словно противостоящие могучей стихии. Картина была проникнута романтическим духом. Этот дух передавался Косте. Переполняемый сильным чувством, он вышел в вестибюль и в безлюдном закутке возле мраморной лестницы, неожиданно увидел женщину – ту самую, которую вёз, с муфточкой из горностая: нарядная, ухоженная, с дорогими украшениями, она

стояла у перил и вытирала лицо зажатой в руке салфеткой. Тщательно нанесённый макияж стекал цветными ручейками по её щеке. Костя взглянул на неё в упор и зашёл покурить в уборную. И почему-то необъяснимой грустью обожгло ему сердце, как будто что-то царапнуло глубоко внутри. «Почему она плачет одна на лестнице у перил, и где её спутник? Она – несчастлива...» – решил он, расхаживая взад-вперёд с сигаретой; впечатление от пейзажей было отодвинуто на второй план.

Когда он вернулся, женщины уже не было. Он досмотрел экспозицию, походил ещё по залам и решил перед тем, как уйти, выпить чашку кофе в буфете. И тут к его столику подошла она, та самая женщина. Она была бледна, а выражение лица – бесстрастное.

– У вас не занято, молодой человек? – спросила равнодушным тоном красотка. И Костя почувствовал тоску и усталость в её голосе. Такую же тоску, какой страдал сам. Заговорил он первым:

– Что вам понравилось здесь?

– Да я не разбираюсь во всех этих стилях, направлениях, знаете ли, – ответила женщина приветливо, спокойным и чуть слащавым, как ему показалось, голосом. – Но картины одной художницы зацепили, как-то больше запомнились, что ли. У неё сложная такая фамилия... А картины – очень проникновенные. Вот два дерева, например...

– Просто на них можно смотреть, не отрываясь. Нана Манджгаладзе! – подсказал Костя. – Я открыл её для себя сегодня. Знаете, мне показалось, что её творчество – свежая струя в современной живописи.

– Да-да, как я вас понимаю... – кивала собеседница, – Вы, наверное, критик или... как это называется? искусствовед? Вы искусствовед, да? Вас так интересно слушать! – говорила она, заглядывая ему в глаза своими зелёными, с поволокой, раскосыми глазами, восхищённо и призывно.

Так они проговорили, не вставая с места, не замечая хода времени, до тех пор, пока пузатые охранники в форменной одежде не попросили их покинуть помещение закрывающегося выставочного зала.

Костя предложил прокатиться до Арбата, и Августа охотно согласилась. Они доехали до Смоленской, потом долго гуляли по ночному Арбату, а потом допоздна сидели в каком-то ресторанчике – уходить не хотелось: оба чувствовали удивительную лёгкость в общении и необыкновенное взаимопонимание, как будто давно были знакомы. Глубоко за полночь Костя отвёз свою новую знакомую до дома, вернее, до двери подъезда типовой московской многоэтажки.

С того дня они начали встречаться. «Она понимает меня. С такой женщиной можно строить реальные отношения», – думал Костя.

Он рассказал ей о Севере. О том Севере, куда можно уехать и не вернуться – остаться там *навсегда*; где можно заблудиться, но не пропасть, а себя обрести; где можно бродить бесконечно, постоянно находя что-то и самосовершенствуясь; где тебя всегда примут и согреют теплотой души, а в лесной избушке будут лежать хлеб, поленья и спички, чтобы растопить печь. О Севере – крае бесконечной людской доброты, щедрости и могущества, разлитого в первозданной, местами ещё не тронутой цивилизацией природе, где чище и прозрачнее вода в реках, как сердца людей и их помыслы, где проще отличить правду от лжи, истинное и ценное от ненастоящего; где не нужно притворяться и надевать на лицо маску с фальшивой улыбкой; где в заповедной северной глуши ещё живы люди, хранящие сакральные знания своих очень далёких предков, – русские волхвы, которые чувствуют силу Природы и обладают особым даром врачевания тела и души. Этот край – честен и чист. Будь сам честным и живи по его законам – и, если выдержишь, Север щедро наградит тебя: здесь ты найдёшь себя и обретёшь душевный покой.

– При любой возможности я еду на Север. Осенью удаётся урвать для охоты две-три недели. И уж обязательно провожу там лето: рыбачу, пишу пейзажи, просто живу среди Природы – болот, лесов, не оскудевших душами людей... *Север* – это моя *вера* и моё *спасение*. Даже в самом слове «*Север*» мне слышится что-то священное. Этот край исцеляет душу. Там проходит лучшая часть моей жизни.

Августа долго и восхищённо его слушала, а потом, ловя его взгляд загоревшимися глазами, сказала:

– Я поеду с тобой на Север. Возьмёшь?

«Уймись, волнения страсти!»

Последний паром из Козьмино давно ушёл. Оставалось добираться через Коряжму: по понтонной переправе, установленной на Вычегде до ледостава, а затем – незнакомой лесной дорогой. Где-то в девятом часу Костя дошёл до переправы. Постоял, поговорил с мужиком-наладчиком. Попуток не было. Может, и догонит какой запоздалый лесовоз, хотя навряд ли... И, не раздумывая, он пошёл пешком.

Перед ним расстилалась осенняя северная ночь. Широкая река, огни... Рассыпана звёздная сеть над головой, которая только-только начинала проступать на ещё светлом небе. Под ногами с глухим звуком вибрировали понтоны, ударяясь один о другой, то и дело слышался всплеск воды: прыгала щука.

Костя дошёл до середины. Где-то высоко в небе проступала сквозь нависшие облака луна. Он остановился, уловил взглядом движение воды, её плотный сиреневый цвет. И в речном пространстве, в пенных барашках вычегодских волн, угадывался седовласый профессор, смеющийся, зазывающий на поединок. Как было бы просто сейчас...

Костя упёрся руками в пояс, расставив локти, куртка его натянулась. Как было бы просто принять этот вызов... Рвануть через запрет, преодолеть барьер, как на скачках, за ограждение, за перила!.. И решить этот поединок с седым демоном, с демагогом, носящем имя победителя. Он уже был готов – на лице напряглись мускулы, морщина, разбивавшая лоб надвое, углубилась... Мысль опередила его: ради чего? Дать такую слабину, совершить глупый, никчёмный поступок?! Ведь это – не честный бой с барсом, а он – не Мцыри. Что же он должен сделать? Пройти. Просто пройти пешком эти двадцать километров до заветного северного города, *отрезанного* от всего мира, в который трудно попасть, но который ещё труднее покинуть, если вообще возможно... Далеко, темно, он измотан. Но он должен пройти, и ему полегчает.

И Костя уверенно зашагал дальше, больше не раздумывая и не оглядываясь на реку. Сигареты кончились. Они спасали, спасали от всего, как спасают эков, заменяя недостающее. Как бы сейчас они емугодились! В кармане впивался в тело светодиодный спелеологический фонарик, в руке зажата полуторалитровая пластиковая бутылка с минеральной водой местного розлива. А в голове вертелся «Английский романс» Кукольника:

«Уймись, волнения страсти!
Засни, безнадёжное сердце!
Я плачу, я стражду, —
Душа истомилась в разлуке.
Я плачу, я стражду, —
Не выплакать горя в слезах...

Напрасно надежда
Мне счастье гадает, —
Не верю, не верю
Обетам коварным:
Разлука уносит любовь...

Как сон, неотступный и грозный,
Соперник мне снится счастливый,
И тайно и злобно
Кипящая ревность пылает...
И тайно и злобно

Оружия ищет рука...

Минует печальное время,
Мы снова обнимем друг друга.
И страстно и жарко
Забьётся воскресшее сердце,
И страстно и жарко
С устами сольются уста.

Напрасно измену
Мне ревность гадает, —
Не верю, не верю
Коварным наветам!
Я счастлив! Ты снова моя!

И всё улыбнулось в природе;
Как солнце, душа просияла;
Блаженство, восторги
Воскресли в измученном сердце!
Я счастлив: ты снова моя».

Глава II. Юность

*«Я сижу у окна. Вспоминаю юность.
Улыбнусь порою, порой отплюнусь».*

И. Бродский

«Я всегда твердил, что судьба – игра...»

Утро. Трещина на подоконнике

На широком подоконнике в квартире одной из сталинских высоток, небрежно раскинувшись, сидел молодой человек, лениво покуривал сигарету, стряхивал пепел на пол и сколупывал потрескавшуюся краску с деревянной рамы.

Он сидел прямо в кроссовках, облокотившись спиной об оконный откос. Докуривая очередную сигарету, парень тут же доставал новую из лежавшей рядом с ним пачки. Недопитая бутылка пива с ободранной этикеткой стояла здесь же. Время от времени молодой человек брал её в руку и делал большие глотки.

Обнаружив небольшую трещину на подоконнике, он пытался расколупать добротный слой белил и штукатурки. Штукатурка не поддавалась, но парень неторопливо и настойчиво продолжал отдиравать её трапециевидные, с неровными краями, куски, похожие на струпья поджившей раны. Он это делал с таким усердием, что, казалось, видел в своём занятии какой-то скрытый смысл, то и дело отряхивая со лба пряди длинных тёмных волос и при этом пытаясь попадать в такт звучащей музыке. Напротив окна на полу стоял огромный магнитофон, окружённый стопками книг, планшетами и набросками; тут же валялись разбросанные кассеты и диски, какие-то документы, фотографии и одежда. Поперёк разобранного дивана лежала гитара, а на стене висели большие плакаты с фотографиями Высоцкого и Цоя. Двухтумбовый письменный стол, старинный, красного дерева, был сплошь завален бумагами: сверху лежала прошлогодняя курсовая, посвящённая анализу «загробных» сюжетов в поэзии русских романтиков, с загнутыми, мятыми, местами прожжёнными листами. Молодой человек неоднократно её перелистывал, когда писал нынешнюю работу о Бродском. Сначала руководительница удивилась предложенной им теме, попросила принести план, предварительный набросок тезисов, но, прочитав первые страницы, одобрительно закивала: «Пишите, молодой человек, пишите. В этом что-то есть». А потом, когда он принёс ей почти готовый вариант, сказала: «Это интересно».

Бродского он открыл для себя прошлым летом. Стояла небывалая, покрывавшая многолетние рекорды, жара в Москве. А у него – самый разгар сессии... Распахнув все окна и оба балкона настежь, он ложился прямо на паркетном полу в гостиной, благо все его домашние были на даче, и пытался готовиться к экзаменам, спасаясь лишь минеральной водой со льдом. Голова пухла от духоты и небывалого зноя. К тому же в эти дни в Москве предвещали ураган.

Тщетно пытаясь напрягать изнурённую голову, юноша безнадежно листал книгу за книгой. И тут ему случайно бросилась в глаза книга с зелёным корешком, которую он раньше почему-то не замечал. Она оказалась томиком Иосифа Бродского.

Молодой человек лежал на полу и, не отрываясь, читал ранние стихотворения Бродского. Они настолько его захватили, что ничто, даже свирепый ураган, с диким рёвом пронесившийся в это время по улицам, ломая деревья, сокрушая рекламные щиты и срывая вывески, не могло оторвать юношу от чтения. Эти стихи были столь близки парню, что казались изнанкой его внутреннего мира, его собственными мыслями, выраженными языком художественных метафор. Юноше был созвучен их философский характер. Он всегда ставил философию во главу угла, придавая ей всеобъемлющий характер и безоговорочную ценность, а литературе предписывал – ей служить, чем вызывал недоумение научного руководителя: «Вы рассматриваете литературу как полигон для философских идей. А у неё – независимая ценность».

Студент был убеждён в том, что жизненная суть явлений с течением времени не меняется: «Изменяется только форма, выражаемая в „художественных направлениях“». И, хотя сейчас никто не будет писать тем же языком, каким это делали в старину признанные гении, поднимаемые тогда проблемы остались теми же, как и неподвластное времени мироощущение, кочующее из эпохи в эпоху, русской хандрой, вечным поиском смысла жизни и тотальным

разочарованием преследуя человека...» Он видел в Бродском истинного классика, сказавшего современным языком о вечном.

В очередной раз потянувшись за бутылкой пива, молодой человек выронил сигарету. Нехотя, спрыгнув на пол, он нагнулся за ней, и тут его взгляд наткнулся на лежавший под столом блокнот в кожаной обложке с выпуклым портретом вождя мирового пролетариата и цифрами: «1970». Парень взял блокнот в руки и, немного подержав, открыл.

Первые две страницы были испещрены какими-то формулами. Под ними – надпись: «Прогнозы перезимовки озимых культур по областям: Архангельская, Вологодская...» Он узнал бабушкин почерк и принялся листать блокнот. Начиная с середины, блокнот был сплошь исписан неровными размашистыми столбиками слов. Это были его стихи прежних лет:

<...>
Это всё было...
О чём нам спорить?
Исчерпана лира,
Как вещь общего пользования...
Ты меня, наверно, забыла,
Да и не всё ли равно?..
На Западе ценят доллар,
А у нас – ничего...

Парень не спеша перелистывал страницы, вглядываясь в корявые буквы, иногда морщил лоб, иногда чему-то усмехался.

<...>
Может, жизнь – это пустое?..
Может, ты живёшь в БРЕДУ?..
Может, в плоскости созданы
Нет ни Ада, ни дорог;
Это домыслы сознания —
Фиолетовых тревог...

Иногда взгляд его на чём-то задерживался: молодой человек перечитывал отдельные строки и фрагменты стихотворений:

<...>
Из года в год жуём одно и то же:
Жизнь переписывает жизнь;
На разных языках беседуем о прошлом...
А впрочем, жизнь – всегда одно и то же,
И нам не ускользнуть от повторенья рифм,
Ботинок с острыми носами,
с тупыми, с срезанными вбок,
Как будто в карты Временами
играет кто-то: дьявол или Бог...

На последнем стихотворении под названием «БРЕД» он остановился надолго. Оно было датировано прошлым годом. По мере того, как юноша пробежал строчки, его взгляд становился

напряжённым и сосредоточенным, на лице чуть заметно подрагивали мускулы, а посередине лба обозначилась горизонтальная морщина. Он с волнением что-то вспоминал.

Дядя Ваня

...В тот день он так же сидел на подоконнике, в точно такой же позе, довольный тем, что остался один и может спокойно и «никчёмно» проводить время так, как ему вздумается, – «бессмысленно и бесполезно». Включил свои любимые песни, и в какой-то момент в голову пришли строки. Нащупав в кармане карандаш, Костя принялся быстро и нервно записывать их в блокнот, который ему отдала бабушка.

Три коротких сильных удара в стену отвлекли его, вернув в обычное состояние. Он поморщился, отмахнулся рукой и снова принялся писать. В стену постучали повторно.

Парень нервно отбросил карандаш и соскочил с подоконника. «Опять соседка – старая карга!» – мысленно выругался. Ей мешала музыка – *его музыка*. «Сколько можно крутить эти уголовничьи песни! Их же слушают зэки! – разорялась со своего балкона старуха из соседней квартиры, бывший сотрудник паспортного стола, а ныне вдова майора внутренних войск. – Лоботряс! Бездельник!»

«Какие уголовные? Я ставил „Битлз“. Впрочем, Леннона тоже кто-то считал лишним – *тот, который стрелял*», – подумал Костя и повернул регулятор громкости до упора – ему было плевать, что его музыка мешает зловерной соседке.

«„Помню, помню, мальчик я босой // в лодке колыхался над волнами, // Девушка с распущенной косой // мои губы трогала губами...“ – начал было он подпевать, допивая из бутылки пиво, но вдруг осёкся. – Странно: я ведь действительно ставил „Битлз“. Песню „Don't let me down“, которая мне так нравится».

Звонок в дверь заставил его выключить магнитофон. Спотыкаясь и матерясь, он нервно бросился открывать. «Опять, стерва, припёрлась», – пронеслось в голове у парня.

На пороге стоял высокий, крепкий мужчина лет сорока пяти, коротко постриженный, со шрамами на лице и открытым, суровым взглядом. Это был его дядя.

– Зачем так громко музыку слушаешь?

Они крепко обнялись.

– Как дела, Костюха? Сдал сессию? – спрашивал дядя Иван, уже сидя на кухне и затягиваясь «Беломором».

Он всю жизнь курил эти папиросы и не признавал ничего другого. «В них чище табак, дозировка умеренная, бумага нормальная, непрорезиненная, да и потом – это чисто русская традиция», – добавлял он всегда.

Они обменивались последними новостями.

– *Твои* все на даче?

– Да. Я бы тоже рванул куда-нибудь!.. Помнишь, как мы жили с тобой в тайге?

Тогда Костя не поступил в университет с первого раза. Учёба в школе ему давалась легко: он быстро всё схватывал на уроках, сразу проникая в суть, никогда ничего не зубрил, но интереса к предметам у него не было. В старших классах он перестал выполнять домашние задания и в результате вышел из школы с «троечным» аттестатом, из-за чего не прошёл в университет, успешно сдав вступительные экзамены: конкурс аттестатов в тот год ещё не был отменён. Поступать в другой вуз отказался, и дядя Иван увёз его на Байкал почти на год.

– Сейчас никак. Работа, брат, – отозвался дядя.

– Сейчас ты где?

– Всё там же, в спортзале – «бойцов» тренирую, – ответил дядя и мрачновато усмехнулся.

– Ты для чего тренируешь? Любая деятельность – своего рода способ ухода от действительности. Особенно, когда в ней не видишь смысла, – заключил иронически Костя.

– Я как раз вижу смысл.

– В чём?

– Грамотно обучить всему, чем владею сам, передать свои навыки.

– А дальше?..

– Моё дело – научить. Многие, конечно, идут в рэкетеры, не спорю, – продолжал дядя. – Но говорю им: ребята, научить-то я вас всему научу, покажу приёмы, но знайте – Закон Высший есть. Помните, парни, кто перед вами стоит, – всегда. Нельзя переступать неписанные Законы. Ну, а если уж – потом расплата неминуема. Я предупредил их, а там – дело не моё. Да и осуждать ребят нельзя многих: время сейчас такое – лихие годы. . .

– А у нас, знаешь, с физкультурником какая история вышла: сначала уволили, потом арестовали. Нормальный мужик был. Его уважали. А потом разговоры пошли, что он «наркоша»: добывает травку и сбывает здесь же, в кругу студентов. Я лично этому не верил: туфта, по-моему, полная, как ты обычно говоришь, «базар гнилой». А недавно он умер в Бутырке. Сказали, якобы от сердечного приступа. Но поговаривали, что его забили менты. Будто он был каким-то авторитетом, и его убрали, смекаешь, дядь Вань? Знаешь, какое надгробие ему потом отгрохали! Братки, видать. . . И в профиль, и в анфас на камне портрет высечен. Красиво.

– Это всё мне знакомо, – устало протянул дядя, выдыхая дым. – А я вот что, – он вручил Косте запаянный полиэтиленовый пакет, – подарок тебе принёс.

– Джинсы? – обрадовался парень, распечатывая пакет.

– Настоящие «Левайс».

– Где раздобыл-то?!

– Братишка один подогнал за хорошие навыки кулачного боя, – усмехнулся дядя, оскалив в улыбке два ряда «золотых» зубов. Но Костя знал, что это – сделанные из казённых кранов рандолевые фиксы: дядя был умелец на все руки.

Подарку Костя был очень рад.

Он помнил время, когда учился в школе и джинсы были редкостью и знаком особого шика. В его классе их носил лишь один мальчик, отец которого работал дипломатом и регулярно навещался за границу. Потом джинсы появились ещё у одного ученика. А ещё чуть позже – постепенно начали составлять дразнящее облачение уже не одного десятка школьников. В то время только появились первые «варёнки» – светлые джинсы с пятнистыми неровными разводами. Некоторые особо отчаянные обладатели джинсов «классических» отваживались их «варить» самостоятельно. Чего только с ними не делали, дабы вытравить густой синий цвет: тёрли наждачной бумагой, замачивали в хлорке, скребли ножами, вплоть до того, что действительно варили на плите. Иногда кому-то из экспериментаторов даже удавалось получить импровизированный вариант. А уж ровно «сваренные» светлые джинсы считались особой, заокеанской роскошью: такие можно было увидеть только в заграничных фильмах.

Косте тоже очень хотелось иметь джинсы. Однажды он увидел их в магазине. . . Настоящие тёмно-синие из грубого жёсткого материала, царапающего, как наждак, руку, с кнопками и с золотыми замочками на задних карманах, прошитых сверху двойной оранжевой ниткой, будто кто-то расписался в виде перевернутой буквы «Я». Стоили они двадцать пять рублей – «четвертак». О своей мечте он рассказал бабушке.

И вот. . . наступил заветный день. Вдвоём с бабушкой они отправились в магазин за покупкой. В её чёрной сумочке лежала сиреневая бумажка с крупным изображением профиля осторобородого вождя в обведённом овале. Когда подходили к универмагу, у него захватывало дух, а когда поднимались по лестнице на второй этаж, в промтоварный отдел, где всегда пахло душистым мылом «Москва» и «Тройным» одеколоном, сердце учащённо забилося.

И. . . о ужас! Каково же было его состояние в тот момент: они пришли и готовы купить джинсы, а их уже нет. . . Продавщица развела руками и сочувственно покачала головой.

Крупный кусок штукатурки удачно выковыренный парнем, ударился о подоконник и разлетелся на несколько мелких, отрикошетивших в разные стороны осколков. «Вот и я, как этот

осколок, – подумал юноша, пробуя пальцами острый край одного из них. – Наступила эпоха, когда достать джинсы – уже не проблема. *И я – герой этой эпохи...*»

* * *

– Девять человек из десяти тебя не поймут, а я понимаю. Меня тоже не поняли, – сказал ему дядя Иван. – А я вот что приходил: тебе восемнадцать годов стукнуло? Короче, машина моя – тебе. Получай права, бери ключи и езд. Только пока не тряси языком, не говори лишнего, понял?

Костины родители недолюбливали Ивана, не воспринимали его слишком прямое и дерзкое поведение. Иван на всё имел своё мнение и всегда его высказывал, отчего наживал массу проблем; если он видел несправедливость, не мог пройти мимо, выступал в открытую, а иногда ввязывался в драку. Родственники его стыдились и старались свести общение до минимума. В основном он приходил к своему племяннику или к его бабушке, которая относилась к нему с симпатией и сочувствием.

«Он не виноват, что иной раз выпьет: жизнь его сломала, – говорила она и, вздохнув, махала рукой. – Эх, жизнь! Поживёте вы ещё при „капитализме“! Захотели его – прежний строй не нравился, – на теперь, получайте! А мы... Мы всю жизнь, как проклятые, горбатились и копили; каждый рубль откладывали – для вас же, отказывали себе во всём – и вот... какой-то „дефолт“! Ночами сидела – писала статьи. Дополнительную работу брала – хотела денег скопить внуку!.. „Детский вклад“ ему открыла в сберкассе. Думала, поступит в институт, будет учиться и ни в чём себе не отказывать. Как же – „скопала“! Чубайсы с гайдарами обманули народ, всё у людей отобрали! Будь им неладно, жуликам! Всю страну с молотка пустили! Была когда-то такая держава могучая: нас в мире боялись! А теперь один всё продал Америке, предатель; другой – пропил, сволочь! Всё сельское хозяйство заброшено; всю экономику развалили! Зарастают поля – больно смотреть, как всё запущено! А попробовали бы они, эти правители, их разработать: сколько труда вложено! Распустили фермы, колхозы, пастбища; загубили животноводство! А нас заграничной отравой кормить будут! Такая страна погибла! А эта пьянь и глазом не моргнула: „пожалуйста“! Им-то что: их дети и внуки уже на всю жизнь выше головы обеспечены!.. А народ отобрали! На те деньги, что я положила на книжку, можно было купить три „Волги“, а теперь это – пшик: утюг и тот не купишь! А это – только начало. Поживёте ещё!.. – сетовала она. – Ещё поймёте, что социалистическая система – гораздо лучше. А Ивана не трогайте; вы забыли, что он здоровье стране отдал, а сам остался с разбитой судьбой...»

Бабушка была единственным человеком в семье, заступавшимся и за Ивана, и за него самого, за Костю, когда родители совсем отказывались его понимать. «Не спорьте с ним, не огорчайтесь сами и не огорчайте его. Он – не такой, как все. Он тоньше. И сам страдает от этого. Ему не подходит обычный сценарий. Ему будет в жизни труднее...» – говорила она. А её слово в семье было веско.

Бабушке был не чужд юмор, но почему-то всегда, ещё с ранних лет, в её словах Костя чувствовал предугадывание какой-то связанной с ним трагедии... Даже выпитая им бутылка пива казалась ей предвестницей будущего несчастья, но, когда он особенно напрягался в период экзаменов, сама доставала из своего шкафа глиняную бутылочку и наливала ему в чай ложку «Рижского» бальзама.

А когда он в девятом классе увлёкся матерью одноклассницы, бабушка чуть не сошла с ума от переживаний. Ситуация усугублялась тем, что эта женщина, по разговорам, состояла в религиозной секте, скрывавшейся под маской модного философского учения. Бабушка считала, что она «приворожила внука гипнозом, чтобы втянуть в свою веру». Ей было невдомёк, что Костя вовсе не был влюблён в эту особу: она лишь напоминала ему далёкую женщину из детства, ставшую его тайной любовью.

Люда

Это было в 92-м году.

Дача: роскошный бабушкин сад, семнадцать соток земли в подмосковном местечке Болшево, огромный дом с верандой, летний флигель, два погреба... Неподалёку – река Клязьма, на которую взрослые иногда ходили купаться и брали его с собой. Прогулка на Клязьму была целым приключением. Сначала шли вдоль выкрашенного голубой краской нескончаемого «глухого» забора папанинской дачи, где-то на территории которой, как поговаривали взрослые, находилась тайная чья-то могила... Потом – мимо старой кожной больницы с одноэтажными деревянными домиками, возле которых прогуливались в лесу больные в застиранных белых пижамах. Дальше – за железнодорожный переезд. По пути к нему в летний зной всегда стрекотали в траве неугомонные кузнечики, и в воздухе стоял густой запах полыни, клевера и каких-то полевых трав, а горячая жёлтая пыль под ногами так и подгоняла искупаться. Но у переезда нельзя было торопиться: здесь пути делали поворот, из-за которого в любой момент мог вылететь пригородный поезд. Всякий раз Костя провожал взглядом, сколько мог, блестящие рельсы, убегавшие за насыпь, поросшую иван-чаем, и манившие его за собой... За переездом тропинка вела на пригорок, в узкий проулок между серыми дачными заборами, утопавшими в яблонях, вишнях и кустах шиповника, под которыми скрывались от жары кошки. Оставалось пройти совсем немного: мимо обнесённой оградой жёлтой церкви, в которой пел прекрасный хор, а в стенах были ниши с захоронениями, и дальше – тенистым коридором из кустов акации к Колхозной площади, где продавали квас из бочки и уже веяло речной прохладой. А ещё несколькими шагами ниже виднелся мост через Клязьму, пляж и утопавшие в зелени кирпичные дома на другом берегу реки. Ходить на Клязьму Косте очень нравилось, но эти прогулки были нечастыми. Чаще ему приходилось сидеть на даче.

Днём чёрно-белый «Горизонт», ещё ламповый, дарил чемпионат Европы по футболу, а вечерами – австралийский телесериал «Шансы», в котором только-только просачивалась на экран беспардонная эротика. Она казалась даже слишком откровенной для неискущённого советского зрителя. Но не только эта «запретная» сторона привлекала Костю в австралийском фильме: ему были интересны герои, их характеры, сложные и противоречивые чувства, влиявшие на поступки. Фильм был определён «взрослым», но родные не запрещали Косте его смотреть: ему бесполезно было что-либо запрещать. Бабушка подтягивала к телевизору кресло и садилась вместе с внуком «смотреть кино», время от времени восклицая: «Какой ужас!..»

Огромный сад с фруктовыми деревьями, посаженными в шахматном порядке, с растущими вдоль забора вишнями, с кустами смородины и крыжовника, малины и ежевики, и огород с теплицей и бесчисленными грядками составляли семейные владения. Взрослые что-то беспрестанно сеяли, сажали, рыхлили, пололи, подкапывали, поливали... Собирали громадные урожаи и делали всевозможные заготовки в невообразимых количествах, которые накапливались год за годом, и либо раздавались родственникам, либо в конце концов отправлялись на выброс. В погребе хранились банки поза- и прошлогодней, трёх-, пяти-, а то и десятилетней давности...

Ближе к осени занимались сбором яблок. Яблочный урожай, как правило, был огромным. Снятые яблоки почему-то назывались «съёмными»; они сортировались и складывались в глубокие деревянные ящики, заранее принесённые из продовольственного магазина, после чего с огромным трудом опускались в погреб, и лишь пара ящичков увозилась в городскую квартиру. За зиму яблоки, естественно, в погребе сгнивали, и весной с ещё большим трудом их извлекали наружу, выгружали из ящичков и тачками отвозили на помойку, почему-то прозванную в семье «Аскольдовой могилой». Эта история повторялась год за годом.

Садоводство и земледелие Костю совершенно не привлекали, и он в них почти не участвовал. Зато родители почти всё свободное время трудились, не покладая рук, в саду и в огороде под руководством бабушки; они были спокойны за предоставленного самому себе отрока: он далеко не уходил с участка, да и пойти ему было особо некуда. А в душе что-то назревало, томили смутные предчувствия и догадки о другой жизни, жизни за забором, ограждавшим дачу, казалось, от целого мира... Костя не понимал, почему взрослые всё время должны заниматься этой скучной, рутинной работой, после которой, как правило, у них что-нибудь болело, из-за чего они не могли ни поиграть с ним, ни прогуляться к пруду. Не понимал он и того, почему всей семьёй они не могли поехать к морю или хотя бы сходить в кино, в парк аттракционов или уж, на худой конец, в кафе. Никто из родных не мог толком ответить ему на эти вопросы. «Какое тебе море? Ты без конца болеешь. Сиди уж лучше на даче. У нас здесь так хорошо!» – говорила мать.

Его сверстников на соседних дачах не было. И Костя спасался в книжном раю. В голове создавались образы, отчасти воспринятые им из книг, отчасти – из взрослых разговоров, а отчасти ставшие плодом его фантазии. Мальчик с ними жил, ими питал своё воображение, и ему было уже не так одиноко.

Однажды Костя пошёл с родителями к соседям. Пока взрослые разговаривали, он подбежал к забору нарвать орехов и на соседней даче увидел молодую женщину с длинными каштановыми волосами. Она сидела на ступеньках высокого крыльца и перебирала руками лозу. Мальчик замер и принялся наблюдать за ней. Не замечая его, женщина плела абажур... Перед домом росли две высокие старые ели. Костя чувствовал запах хвои и не сводил глаз с женщины, боясь себя обнаружить случайным шорохом... На веранде зажгётся свет, и мужской голос позвал её: «Люда!» – «Сейчас приду. Только закончу. Совсем немного осталось», – ответила она удивительно приятным голосом.

Что-то необъяснимо волнующее послышалось Косте в её интонациях. Мальчик смотрел на женщину, и в его голове проносились картинки воспоминаний, рождались отрывочные абстрактные ассоциации.

...Своё раннее детство Костя провёл с бабушкой. Пытаясь занять себя чем-нибудь интересным, когда бабушка, накормив его, садилась за работу, он уходил в свой фантастический мир: сочинял истории про удивительных существ, населяющих несуществующую планету; представлял себя то капитаном затонувшего судна, выброшенным на необитаемый остров, то предводителем войска краснокожих, то лётчиком, то средневековым рыцарем... Нередко он конструировал из подручных материалов замки. В ход шло всё: разноцветные кубики, зубные щётки, заварочный чайник, служивший замку колодцем, даже бабушкина логарифмическая линейка – в качестве откидного моста.

Косте ничуть не было скучно, но не хватало родительского общения. Иногда бабушка читала ему, но мальчику больше нравилось слушать, когда она что-то рассказывала о своей жизни или когда приходили в гости её знакомые Валя и Толя, муж и жена. Валя – бывший врач, Толя – военный лётчик; у них был приёмный сын Геннадий, с очень трудным характером. Они делились с бабушкой своими проблемами и советовались, а Костя прислушивался к их разговорам. Родители приходили с работы уставшие. Почти все выходные с ранней весны и до поздней осени и отпуска они проводили на даче, занимаясь огородом и садом. Так повторялось из года в год – однообразно и скучно.

...Только одно сильное впечатление ярко запомнилось Косте из очень далёкого детства. Он помнил, как ранним утром свежего зелёного лета мама водила его по саду. Ему было года два. Мама гуляла с ним. Она подводила его к цветам, и они тогда казались ему огромными, причудливыми существами... Он помнил, как светилось мамино лицо невыразимой абсолютной радостью... И это непередаваемое чувство зажжённого счастья распространялось на него, на цветы, на весь мир.

И теперь, стоя у забора, Костя пытался припомнить то ощущение насыщенного счастья, передавшееся ему в те мгновения от матери, словно они были связаны невидимой оболочкой...

Пытаясь сосредоточиться на этом ощущении, чтобы его хоть сколько-нибудь приблизить, он неожиданно вспомнил, как в раннем детстве они с мамой ходили «смотреть мотоциклы». Мотоциклов было три: «красный», «синий» и «чёрный». Они стояли в разных московских дворах, находившихся по соседству. Сами мотоциклы Костя не помнил, но помнил, что ходить к ним ему очень нравилось. Ходили они почему-то по вечерам, и мама заранее ему говорила: «Сегодня мы пойдём смотреть красный мотоцикл» или «Сейчас мы идём к синему мотоциклу»...

...А вот они с матерью куда-то идут бесконечно длинным зелёным лугом. Ему уже лет шесть или семь. Запахи диких цветов и душистых трав слегка дурманят голову. Навстречу им идёт женщина, высокая и очень красивая, с каштановыми волосами. Поравнявшись с ним, она протягивает Косте цветок клевера...

Тут же в памяти возникал другой случай. Он барахтается в реке, то уходя с головой в мутную, цвета бутылочного стекла, толщу воды, то на мгновение выныривая. Ему не хватает воздуха, страшно, но почему-то он не может закричать. Вдруг молодая незнакомая женщина в открытом купальнике протягивает ему руку... Он с трудом до неё дотягивается. Костя не помнил лица той женщины, но запомнил её тонкую руку с браслетом, вытаскивающую его на берег. Тогда ему было восемь лет, и он тайком убежал один на Клязьму.

В детстве Костя часто болел. Болеть ему нравилось. В эти дни в доме всё замирало: мама и бабушка не отходили от его кровати, а вечером отец приносил ему гостинец; чаще всего это была какая-нибудь интересная вещица: подшипник, колба, электровыключатель... Но больше всего Косте нравилось то необычное состояние, в которое он проваливался, как в сон, когда у него поднималась высокая температура. Он погружался в фантастический мир, очень схожий с миром, в котором он жил, но более совершенный. Иногда в этот мир проникала окружающая реальность. Время от времени голоса родных вырывали его назад в привычную жизнь...

Однажды, когда ему было лет девять, Костю положили в больницу с воспалением лёгких. Впервые он оказался оторванным от дома, в чужой казённой обстановке. И одна медсестра, добрая и терпеливая, как-то особенно запала мальчику в душу. Она делала уколы совсем не больно, всегда его чем-нибудь угощала и разговаривала с ним серьёзно, как со взрослым. Косте нравилось в ней всё: выбивавшиеся из-под медицинской шапочки каштановые волосы, улыбка, веснушки на щеках... Даже сверкающий в её тонкой руке, озарённый солнечным бликом шприц, казался, придавал ей изящества. Мальчик не раз любовался ею: грациозной, высокой, в белом халате, на каблуках, с блестящим шприцем в руке. Костя всегда ждал её смену.

«А сегодня – ты будешь мне помогать», – сказала она однажды и доверила ему вытирать инструменты. Тогда Костя впервые почувствовал свою значимость. С того дня он стал с ещё большим нетерпением ждать дежурств этой медсестры. Как только она приходила, он бежал к ней в ординаторскую, стучался, и она всегда была ему рада и тут же давала какое-нибудь поручение. В каждую её смену Костя помогал ей мыть и раскладывать инструменты, разносить таблетки и раздавать градусники. Он видел необходимость в добровольном выполнении этих ответственных поручений и даже загорелся было мечтой стать врачом...

Как-то раз во время её ночного дежурства к ней пришёл посторонний мужчина. Костя, как обычно, постучался в ординаторскую, но впервые она не пригласила его зайти, а вышла сама и сказала строго: «Костя, я занята». Мальчика словно облили холодной водой. Он убежал в свою палату и залез с головой под одеяло... После этого случая Костя по-прежнему ждал её, по-прежнему помогал во всём, пока его не выписали домой. Первое время ему очень не хватало этой медсестры и её поручений. Просыпаясь, он уже не чувствовал себя нужным, полезным... Однажды ночью бабушка застала его в слезах и спросила, почему он плачет. Тогда Костя впервые в жизни сказал ей неправду, сославшись на страшный сон...

Костя стоял у самого забора и, боясь пошелохнуться, любовался незнакомой соседкой. И далёкий неуловимый образ, сохранившийся в детских воспоминаниях, тревожил его душу, смешиваясь с новым, неведомым доселе, внезапно нахлынувшим чувством... «Те же руки, тот же приятный голос...» Косте так и хотелось перелезть через забор и подойти к женщине. И он уже готов был это совершить и даже ухватился рукой за верхнюю доску, но в этот момент на крыльцо вышел высокий седой мужчина. «Люда, ты скоро?» – спросил он, и Костя почему-то сразу же почувствовал неприязнь к этому человеку. Женщина повернула к нему голову: «Иду, иду сейчас», – мягко отозвалась в ответ. Мужчина ушёл, а она продолжала своё дело. «Хоть бы она не уходила, – повторял про себя Костя. – О чём, интересно, она думает, когда плетёт эти абажуры?..» Закончив абажур, женщина встала и ушла в дом. А вскоре и его самого позвали родители. Костя никому не рассказал об этом впечатлившем его случае.

В ту ночь он не мог заснуть: вспоминал незнакомую соседку, глубоко запавшую ему в душу, и прислушивался к неизведанному ранее чувству.

С того дня его жизнь наполнилась новыми переживаниями и эмоциями, занимавшими всё его время. Костя думал об этой женщине, мысленно с ней общался и достраивал её образ, мечтая увидеть её ещё раз. Постепенно он начинал догадываться, что это за чувство...

Однажды на даче отключили воду, и родители почему-то собрались идти к ней, на Сосновую аллею. Костя увязался с ними. Сперва его не хотели брать, но, поддавшись его настойчивости, смирились. Пошли в обход по улице Горького. Всю дорогу он чувствовал, как где-то слева в груди сжимается мышонком сердце от смущения и сладкой дрожи, и изо всех сил старался не показать вида, что с ним что-то происходит... Наконец подошли к заветному дому под высокой мохнатой елью. Хозяйева вышли гостям навстречу: она и её муж, высокий седой грузин. Завязался разговор с родителями. Костя молча стоял и слушал, делая вид, что ищет орехи, и боясь обнаружить своё волнение.

– Мы эту дачу снимаем. Муж – военный. Дочь старшая в художественное училище поступила. А младшая – ещё школьница. Вот, в свободное время вечерами плетём из лозы абажуры, – сказала Люда и вынесла изящный абажур.

Она говорила торопливо, с лёгким акцентом, слегка «подгоняя» слова, отчего они как будто «накладывались» друг на друга. Из одной её случайной фразы выяснилось, что ей тридцать семь лет и она работает на телефонной станции.

Костя то и дело пытался незаметно взглянуть на неё. Он очень конфузился, но всё же мальчику удалось рассмотреть соседку: высокая, худощавая, овальное лицо, карие глаза, длинные волосы и тонкие руки, такие, как у той медсестры!

С того дня Люда стала приходиться к ним вечерами в гости. Едва она заходила в дом, минуя маленькую терраску, на газовую плиту сразу ставился чайник, и гостя садилась пить чай вместе с его мамой и бабушкой. Костя находился там же. Люда всегда была рада чем-то помочь: раздобыть лампочку для телевизора, что-то узнать, попутно купить в магазине...

Костя ждал её больше всего, больше сериала «Шансы»! Когда Люда подходила к дому, и он видел её в окно, внутри у него всё начинало дрожать и переворачиваться... А если она не приходила, он досадовал, что день прожит впустую. «Ну, что же она не идёт к нам?! Что она делает с этим старым грузином?! Ведь он же седой! Ну и пусть она старше меня, но, мне кажется, со мной она будет гораздо счастливее, чем с ним! Я столько могу ей открыть интересного!» – думал он и с нетерпением начинал ждать завтрашнего дня: вдруг она придёт.

Чувство какой-то возвышенной нежности наполняло его мальчишескую душу, когда он видел Люду. Ему хотелось от чего-то её защитить, предстать перед ней отчаянным и смелым.

...Когда ему становилось очень одиноко и грустно, Костя перелезал через забор в конце сада на *заброшенный участок*, доставал из-под веранды ветхого дома найденную им ёлочную игрушку – синий стеклянный колокол – и тихо с ним разговаривал. Только ему мальчик мог доверить свою печаль. И колокол утешал его тихим мелодичным звоном. Поведав колоколу

сокровенное, Костя убирал его в коробку, предварительно завернув в махровое полотенце, заранее похищенное у бабушки, и прятал коробку на прежнее место. Теперь мальчик чувствовал, что всё то, о чём говорил с колоколом, он может доверить этой женщине.

Он думал о Люде каждый день. Косте казалось, что она может говорить с ним «на равных», «как со взрослым», как та медсестра из детской больницы... Люда была человеком из той, «другой» жизни, за забором, куда более интересной, чем жизнь на даче. Но не только поэтому она представлялась мальчику какой-то совершенно особенной...

Как здорово было бы пройтись с ней по Комитетскому лесу от остановки «Баня» по асфальтированной дороге, выложенной по краям жёлтыми кирпичами. Каждый раз проходя по ней, Костя представлял, что эта дорога ведёт в Изумрудный Город к всемогущему волшебнику Гудвину. Он непременно сказал бы об этом Люде, и вместе они бы придумывали, что попросить у всемогущего волшебника. И он, кажется, знает уже, что попросил бы...

Этой дорогой по лесу они прошли бы до турника, устроенного между двух сосен. Его найти не так-то легко, а он, Костя, показал бы ей, где в мохнатой зелени замаскирован турник, буквально «вдавленный» в смолистые стволы. Он мог бы сводить её и к старому пруду, чтобы она послушала, как громко там квакают вечерами лягушки. А если пойти туда рано утром, можно тихонечко подсмотреть, как из камышей выплывает серая утка со стайкой пушистых маленьких утят... Есть ещё одно заманчивое место, куда можно прогуляться, – кожная больница. Он знает, как через потайную дырку в заборе проникнуть на её территорию. Там можно погулять под соснами по асфальтированной дорожке мимо деревянных больничных домиков, и, если повезёт, есть шанс даже увидеть больных в белых пижамах. Бабушка говорила, что они болеют какой-то странной болезнью с необычным названием, от которой проваливается нос...

А ещё... с ней можно поговорить о сериале «Шансы», а может даже вместе посмотреть какую-нибудь серию?.. Интересно, кто б ей понравился из героев?..

Косте так хотелось поделиться с этой женщиной своими тайнами, тем, что он дорожил и берёг, никому не открывая, что он готов был даже сводить её на *заброшенный участок* и показать ей спрятанный под домом синий стеклянный колокол, с которым он разговаривал, когда ему становилось грустно... Только бы она пошла с ним, только бы согласилась!..

Но на двенадцатилетнего мальчугана женщина не обращала особенного внимания, ей было неведомо то, что творилось в его душе. Однажды у них в гостях Люда рассказала о красивом озере во Фрязино, на которое она с семьёй ездила купаться. Костя стал расспрашивать Люду об этом озере. Она отвечала и не видела, что это – предлог для разговора.

– Может быть, как-нибудь вместе... – загорелся он мечтой.

– Так, это ваша чёрная собака, что прибежала к нам, лает по ночам? – перебила его бабушка.

– Моя. Это Динка. Она очень умная. Я люблю собак. Она прибилась к нам. Сперва мы её подкармливали. А потом она у нас прижилась, да так и осталась. У неё появился щенок Кузя. Такой красавец! Пожалели их. Так и живут с нами.

– Любят они порезвиться на наших грядках! – покачала головой мать.

– А где вы берёте лозу для абажуров? – осведомилась бабушка.

– Выдёргиваем из хозяйского дома!

– Как?!

Выяснилось, что отношения с хозяйкой у них сложные, что было неудивительно: все в дачном посёлке знали о её дурном характере.

– Я-то, ладно, потерплю. А у дочери, Оксаны, уже глаз от неё дёргается. Мы бы хотели сменить жильё, – пожаловалась Люда и, зная, что Костины родные сдавали на зиму дом, попросила их сдать его им до лета. Хозяева были согласны.

Приближалось время отъезда в Москву.

– Мама, можно мы возьмём с собой Барсика! – уговаривал Костя мать.

– Он уничтожит всю мебель, побьёт вазы, хрусталь, издерёт ковры... Нет, кот не сможет жить с нами, – безапелляционным тоном заключила она.

– Не волнуйся, мы будем смотреть за твоим кошкой, будем его кормить, – пообещала Люда.

– А как же собаки? – испугался он.

– Наши собаки его не тронут: они знают твоего кошака, – заверила его Люда и с этими словами вдруг подошла к Косте и нежно обняла его. Её тонкие руки оказались сильными и ласковыми. Костя замер... Ноги приросли к полу. Голова закружилась. Острое чувство восторга, словно ему брызнули в глаза ослепляюще яркой краской всех цветов радуги, пронзило его, наполнило и взорвалось мгновенным испугом человека, ступившего за грань чего-то запретного...

– Обещаете? – прошептал Костя.

– Обещаю.

Потрясённый, он убежал на заброшенный участок. Забравшись на крышу старого дома, Костя думал о Люде, вспоминал её руки и то блаженное чувство, которое испытал, когда она обняла его. Вспоминал её запах: лаванды, мяты, сигарет и чего-то ещё сладковато-острого... «Только бы она ни о чём не догадалась...» – вертелось в голове. Смешанное чувство стыда и восторга переполняло душу. Бессознательно Косте хотелось куда-то бежать, что-то делать, причём неважно что: забивать ли гвозди, таскать ли доски или штукатурить стены... Он испытывал счастье.

А на следующий день случилось непоправимое. Молодая бездетная пара, прочитав объявление о том, что «сдаётся недорого дом на зимне-весенний сезон», прикрепленное у магазина ещё до разговора с Людой, появилась на бабушкиной даче.

– Очень хорошо. Вы нам подходите! – обрадовалась бабушка.

– А как же *они*?!

Он прорыдал всю ночь... Чувствовал, что совершается что-то непоправимое... Где от него ничего не зависит. Он НИЧЕГО не мог сделать – только наблюдать. Такое же горькое чувство отчаяния и безнадёжности его посетит много лет спустя, когда умрёт любимый кот, когда будет умирать бабушка, когда он будет понимать, что навсегда кого-то теряет...

– Пожалуйста, опомнитесь! Это вам так не пройдёт! – тщетно умолял он домашних.

– Что с тобой?! Успокойся! Пойми: мы не можем им сдать дачу – их четыре человека! Но главное: у них две собаки. И эти собаки непременно вытопчут наши гряды! Столько труда вложено! – сказала бабушка. Спорить с ней было бесполезно. Костя знал, что если бабушка что-то решила, её уже не переубедить. С тех пор он возненавидел «гряды».

– Иди ты, мама, одна, я не пойду, – сказала мать, когда подошло время им отказывать.

Когда бабушка собралась идти на Сосновую аллею, Костя мог пойти с нею; он чувствовал, что это последний раз, последняя его возможность увидеть Люду. Он знал это. Но было слишком больно и стыдно. И он не пошёл.

– Ну что, она расстроилась? – спросила бабушку мать, когда та вернулась.

– Расстроилась, но не до слёз, – ответила бабушка с явной иронией. – Долго звать пришлось. Лежала она. Сказала, что ноги в кровь стёрла сегодня.

Костя не находил себе места, но этого никто не замечал.

– Он ведь как в воду глядел, – скажет бабушка через месяц, когда начнутся проблемы с квартирантами, которые, как оказалось, сняли дачу под склад стройматериалов, так как новый жилец, наряду с воинской службой, занимался строительным бизнесом. В доме чуть не лопнули трубы: водяное отопление требовало постоянной эксплуатации. Хозяева попросили квартирантов съехать. Разозлившись, квартирант ударил ногой Костиного кота, и кот вскоре умер.

Найти новых жильцов в межсезонье оказалось непросто. Костины родители ходили даже на Сосновую аллею, но выяснилось, что Люда с семьёй уехала, не оставив адреса.

Много позже Костя пытался найти Люду. Он прикладывал невероятные усилия, но что-то всё время вставало у него на пути, будто какой-то рок отрезал все дороги. Узнать её точную фамилию ему не удалось – подруга Люды, которая могла бы помочь, покончила с собой на почве необоснованной ревности, ударив себя ножом в сердце, когда детей не было дома; хозяйка соседского дома, у которой семья Люды снимала жильё, умерла, не оставив никаких записей. Рабочий телефон Люды не отвечал. С огромным трудом Костя удалось выяснить, что там было много всяких организаций. Он даже написал в «Жди меня», но ответа не пришло.

Костя пытался разыскать эту женщину только для того, чтобы посидеть с ней однажды за столиком в каком-нибудь кафе, чтобы её увидеть, извиниться за своих домочадцев и спросить, как сложилась её жизнь. Сколько раз он представлял себе их встречу...

Дефолт, путч, телепередачи о ГКЧП, которых ждали с нетерпением и содроганием взрослые, цыкая друг на друга: «Тише вы!», чтение Анатолия Рыбакова вслух, а затем книги Ельцина, – всё это происходило там же, на старой бабушкиной даче. Но ничто из этих событий так глубоко и больно не запало в его память и не оставило такой след в душе, как эта женщина по имени Люда...

Спустя годы Костя написал большое стихотворение:

Л.

Эту боль не изведает каждый,
Не выпадет она дважды —
Иллюзии горький крах,
Как не выдадут дважды прах.
Эти песни – о всём вчерашнем,
И в отчаянии, и в слезах...

Сумрачные поезда,
Каждодневные лица,
Вот и река Москва
Ни к чему уже не стремится.

Боже мой! Где же те сады,
Где не знал до поры беды?
Я прощаюсь с тобой, как с мёртвой,
Никогда! Это слышишь ты,
Выпив водки с закуской чёрствой.

Где ж теория о прямых?
«Пятый угол» мне выдал жребий.
Никогда не услышишь ты,
Как в тебя я безумно верил.

Как на скачках и как в лесу:
Все по кругу, по кругу, по кругу.
Как в погоне и как в бреду
Я зову тебя: Люда! Люда!

<...>

Оттого, что ты где-то есть,
оттого подживает рана.
Так убрать же с зеркал завес:
Хоронить тебя, видно, рано!

Может, в Южнокавказской стране,
Может быть, близко от Арктики.
Ты живёшь – это главное мне,
Просто в другой галактике...

И гадать только можно, где?
Упираясь в тупик как в карту,
На неясном тебе языке
Предаваясь счастливому фарту.

Ты идёшь иногда в магазин,
И скучаешь, наверное, так же,
Как этот твой грузин
И ещё, может, кто-то важный,
Кто был в жизни твоей вчерашней...

А послать всё на славные буквы
И запить неподкупным вином...
Я прощаюсь с живою как мёртвой,
Над развернутым гробом с венком.

Нет уж, лучше пусть будет живая.
Пусть её никогда не найду,
Пусть её никогда не узнаю,
Только пусть будет живая!..

Учительница рисования

Новую учительницу рисования звали Ольга Герасимовна. Она была лет сорока с небольшим, высокого роста, заметная фигурой, выделявшейся своими формами, круглолицая, черноглазая, с длинными смоляными волосами, которые либо забирала в пучок, либо собирала в хвост. Одевалась она довольно ярко, но со вкусом, обычно предпочитая вязаные свитера и широкие клетчатые юбки; умеренно красилась и носила бусы.

От детей трудно что-то утаить, и в Костином классе все скоро узнали, что от новой учительницы недавно ушёл муж и она с дочкой-старшеклассницей, прыщавой и вредной, переехала из другого района Москвы и устроилась в их школу на место недавно уволившегося учителя.

На первом же уроке Коновалова начала командовать громким зычным голосом, будто преподавала не рисование, а военную подготовку: «Так, все сели по местам! Руки на парты! Закрыли рты! Что за разговоры! Мальчики на третьей парте, я вас сейчас рассажу! Так, тема нашего урока – зимний пейзаж. Я сказала: мальчики! Приступаем к работе... А кто разрешил ходить по классу?»

– Антон Вячеславович, прежний учитель, всегда разрешал, – сказал Костя. – Я за водой.

– Сейчас нет Антона Вячеславовича. Сейчас вы должны слушаться меня, – на слове «меня» она сделала акцент. – Зачем тебе вода, если ты ещё не нарисовал карандашом?

– Вода мне необходима. Я так рисую, по-своему, – ответил Костя и взглянул на учительницу в упор.

Их взгляды встретились. Коновалова хотела возразить, но, секунду подумав, уступила с нескрываемой иронией:

– Ну, хорошо, посмотрим, что у тебя получится.

В конце урока учительница с удивлением рассматривала его рисунок.

– Живописно, – сказала она и в нижнем углу альбомного листа поставила размашистую «пятёрку». – Ты где-то учился?

Школьник помотал головой:

– Нигде. Я сам.

* * *

На следующем уроке Ольга Герасимовна уже ничего не говорила Косте: он мог ходить по классу, точить карандаши, наливать воду и чувствовал себя свободно, но к другим ученикам это не относилось.

– Ходить без разрешения можно только Косте: он хорошо рисует, лучше вас всех. А ты, Петров, куда направился?

– Я только дать Васе ластик... – смущённо оправдывался полный веснушчатый мальчик, остановившись в растерянности возле своей парты.

– Ластик надо носить свой. Сядь на место и продолжай работу.

– Только дам ему ластик...

– А ты спросил разрешения?

– Ольга Герасимовна, разрешите, пожалуйста, одолжить Васе резинку? – запинаясь, говорил школьник.

– Какую ещё резинку?

На задних партах послышались смешки.

– Он имел в виду жевательную! А вы что подумали? – крикнул Костя.

Класс грохнул.

Учительница многозначительно молчала, демонстративно пытаясь одним своим взглядом удержать дисциплину, и вдруг изменилась в лице:

– Лазарев! Я сказала: Лазарев! Что за самовольничанье?! – закричала она на Костю, увидев, что он встал, подошёл к парте одноклассника и положил на её край свой ластик. – Немедленно заberi назад то, что ты положил, и марш на место!

– Ольга Герасимовна, время идёт: скоро урок закончится! Как он будет рисовать без ластика? Не всё ли вам равно, где он его взял? – хрипловатым ломающимся голосом выдал Костя.

– Ах так, Лазарев, ты мне дерзишь? – Коновалова выдержала паузу, глядя на него из-под густых бровей своими большими чёрными глазами. На её лице обозначились морщины, а тёмный мысик волос, выделявшийся посередине лба, стал ещё более заметным.

– Хватит командовать, Ольга Герасимовна! Что вы на нас свою власть испытываете?

– Что? Что ты сказал?! – опешила учительница.

Класс замер.

– То, что вам не хватает коммуникабельности!

– Что-о?

– Кабельности! Кабельного телика! – закричали школьники и дружно загоготали. Лицо учительницы сделалось пунцовым.

– Покинь класс, Лазарев! – приказала она.

Костя молчал, не двигаясь с места.

– Если *вы* не уйдёте, Лазарев, то уйду я, – сказала учительница.

– Ну и пусть уходит, – раздалось с задней парты.

– Это кто сказал? – Коновалова обводила взглядом учеников.

– Это неважно... – сказал Костя и вышел из класса.

Урок был сорван.

* * *

Нетривиальность Коноваловой Костя уловил на первом же её занятии. Во-первых, она говорила в классе отрывисто и нервно, как будто пытаясь скрыть внутреннюю неуверенность и скорее упорядочить себя, нежели учеников; во-вторых, Ольга Герасимовна, обращалась со школьниками, как со взрослыми, в отличие от других учителей, и таким образом выстраивала свою линию поведения, внешне схожую, по сути же – прямо противоположную всем основным правилам педагогической этики. Она пыталась манипулировать подростками с помощью интонаций, жестов, взглядов, периодически обращая то на «ты», то на «вы» к тому или иному ученику, заставляя их домысливать то, что другие учителя им давали понять более простыми способами.

«Она как будто играет с нами, и я понял её игру и решил принять вызов. Она играет с детьми – по взрослым правилам. Это нечестно. Но она не рассчитала, не учла, что среди них может быть „нестандарт“. И этот „нестандарт“ всё испортит. Тот, кто её раскусит... и сыграет с ней в эту же, придуманную ею, игру... Нет, она не учительница. Для этой профессии она слишком эмоциональна. Она переносит личное в работу. Так обращаться ещё можно со взрослыми, с детьми – это жестоко», – думал Костя. Делала она это сознательно или нет, он не знал, но склонялся к тому, что скорее всего такое поведение Коноваловой носило неосознанный характер.

Сложные, противоречивые чувства вызывала в нём эта учительница. Лазарева раздражало то, что она подчёркнуто демонстрировала свою власть в классе. И хотя она избрала его своим «любимчиком» и это внутренне льстило Косте, в чём он ни за что не признавался даже самому себе, в угоду справедливости он предпочитал пожертвовать привилегированным поло-

жением на уроках рисования и обходился с Коноваловой намеренно дерзко, зная, что ему за это ничего не будет.

Константин Лазарев ощущал себя гораздо взрослее своих сверстников. В то время, когда его одноклассники играли в ножички во дворе и мастерили в скверах «тарзанки» из похищенных пожарных шлангов, он под руководством дяди Ивана учился стрелять из ружья, водить машину и брать аккорды на гитаре. Несколько раз ему удавалось неплохо подработать, когда в находившемся неподалёку от школы маленьком кооперативном магазине уходил в запой грузчик. И хотя бабушка тайком от родителей постоянно снабжала его карманными деньгами, Костя стремился заработать сам на кассеты, только начавшие появляться компакт-диски и на хороший магнитофон. К тому же он начал курить и покупать пиво.

* * *

Однажды во время урока Коноваловой Костя ощутил на себе её взгляд и, перехватив его, почувствовал, что учительница смотрит на него как-то особенно, по-взрослому пронзительно, словно пытается заглянуть в душу... От этого взгляда ему сделалось неприятно. Он понимал, что Ольга Герасимовна пыталась всячески расположить его, проникнуться его миром, куда он никого не пускал, и более того... завладеть им. И это её стремление, эффектной черноглазой художницы, к обладанию им любой ценой, ценой всепрощения, больше всего раздражало Лазарева, бесило, выводило из себя... Далёкий, милый образ Люды, женщины из детства, так и не покидал Константина. Этот образ проступал сквозь время. Парень носил его в душе и всячески давал понять Коноваловой, что она *не нужна ему*. А она продолжала настойчиво гнуть свою линию, принимая его условия. В тот раз, перехватив её взгляд, Лазарев выразительно посмотрел ей в глаза, не по-детски уверенно и серьёзно. И она поняла это...

С того момента общение с Ольгой Герасимовной превратилось для Константина в своеобразное развлечение. Ему стало интересно ходить на её уроки. Между ними сложились странные отношения, словно в игре, понятной только им.

Лазарев почувствовал её необычное отношение к себе и сначала даже побаивался своих догадок, считал их плодом воображения. Но всё больше убеждаясь, что интуиция его не подводит, он втягивался в игру, привлекавшую его подлинностью переживаний взрослого, умудрённого опытом человека.

Иногда вечерами он думал об Ольге Герасимовне. Почему она так настойчиво добивается его расположения? Почему ему всё прощает? Почему её так волнует всё, что хоть в какой-либо мере касается *его* жизни?

Может, она – та женщина, с которой он мог бы говорить на любые темы и мог бы ей что-то доверить? Та, которая бы воспринимала его странности и не осуждала слабости? Женщина-друг, о которой он так мечтал в детстве...

Но стоило ему представить её толстый подбородок, жирную складку на шее, тёмный мысик волос на линии лба и властный голос, поспешность, с которой она «рубилась с плеча» свои категоричные суждения, и ему становилось противно – до физического отвращения. Это ощущение сменялось интересом, подогревающим игру. Лазарев знал, что Ольга Герасимовна ему всё простит, чтобы он ни сделал, и ему было интересно, как далеко это может зайти... Иногда, не без доли самолюбования, Константин пытался представить эту ситуацию со стороны.

Как-то раз он решил поговорить с дядей о Коноваловой. Дядя не стал долго слушать, махнул рукой и сказал, усмехнувшись: «Не забивай себе голову. Пойдём лучше делом займёмся: надо перебирать двигатель».

На следующий урок рисования Костя не пошёл, не пришёл он и через неделю, и позже...

А однажды, вернувшись из школы, он узнал от бабушки, что к ним домой приходила Ольга Герасимовна. Костя так и подскочил.

– Она хотела поговорить с тобой и познакомиться с нами, – сказала бабушка. – Сказала, что ты очень хорошо рисуешь, и просила записать тебя в художественную школу.

– Не пойду я ни в какую школу! – заявил Костя.

– Кроме того, – продолжала бабушка, – она просила тебя прийти на следующее занятие и сказала, что не поставила в журнал твои пропуски.

* * *

На следующий урок Коноваловой Костя явился.

– Лазарев, останьтесь после занятия, – попросила его учительница. Когда все ученики ушли на перемену, она подошла к нему близко и, положив руку на плечо, сказала: – Ты мне очень нравишься. Ты – очень способный мальчик. Я тебе не враг. Я мечтала бы иметь такого сына или племянника!.. Давай с тобой дружить?

От неожиданности Костя остолбенел, но тут же нашёлся:

– Но вы признаёте свою педагогическую ошибку?

– Костенька, ты выделяешься среди остальных ребят, ты гораздо умнее и начитанней...

– Поэтому мне можно ходить по классу, а им – нет? Поэтому вы их жёстко подавляете, верно?

– По-твоему, в школе не должно быть дисциплины? – уже другим тоном заговорила учительница.

– Это всё же школа, а не армия!

– Идите, Лазарев, идите...

* * *

Однажды Коновалова дала тему урока: «иллюстрация к книге или фильму». В конце занятия, как обычно, она подошла в первую очередь к Константину.

– Я наблюдала за тобой и видела, как ты увлечённо, не отрываясь, работал. Я специально не подходила к тебе, чтобы увидеть готовый рисунок. Наверное, меня ждёт сюрприз. Ну-ка, показывай! – сказала она дружелюбно, но, увидев его рисунок, нахмурилась.

На альбомном листе была изображена композиция: на переднем плане – обнажённый до пояса, израненный в кровь мужчина стоял у реки и мрачно взирал на воду. На другом берегу, на холме сидела женщина с распущенными каштановыми волосами до плеч и печально смотрела на мужчину. А у её ног лежала чёрно-белая пятнистая собака.

– Это из какого произведения? – спросила, помолчав, Ольга Герасимовна.

– Это неважно, – ответил ученик.

– Я тебя спрашиваю, это что, фильм?

– Фильм.

– Как он называется?

– Фильм называется «Жизнь», – ответил Костя с неохотой.

– Я о таком не слышала. Нарисовано очень хорошо, но я поставлю тебе не «пять», а «четыре», и сейчас объясню почему.

– Мне всё равно, что вы мне поставите.

– Лазарев, как ты разговариваешь с учителем! Я позвоню твоей бабушке!

– Звоните, кому хотите! Моя бабушка не предаст меня.

– Лазарев, что вы себе позволяете! – закричала она.

– Почему вы всё время кричите?!

– Я возмущена тобой, Лазарев! Посмотри, что рисуют твои товарищи: никто не нарисовал окровавленного человека! Это – призыв к жестокости!

– А если сама жизнь – жестокая?! Если душа у него изранена, может это, наоборот, – призыв к милосердию?!

– Это нелегко понять!

– Это вам нелегко понять. А если посмотреть на рисунок внимательно, умному человеку всё понятно: река разделяет героя с возлюбленной. Его душа кровоточит. Женщина тоже опечалена. И её единственный верный друг – это пёс.

– Об этом никто не догадается! Знаете, с такой фантазией...

– Вы говорите о жестокости... А что, по-вашему, её нет в жизни? Надо делать вид и играть в игры, как вы играете с нами? А может, не только с нами?.. С вами кто-то обошёлся жестоко, и теперь вы запрещаете дать товарищу ластик? Вымещаете свои обиды на школьниках. Это – не жестоко?

Коновалова побледнела и мрачно, не мигая, смотрела на Константина, а когда он закончил, сказала:

– Я не думала, Лазарев, что вы так испорчены в седьмом классе!

– Да, я испорчен, – признался Костя.

– Я понимала, Лазарев, многих... Тех, кого не понимали другие, кого не понимал никто! Ребят, кто сидели... И эти ребята под два метра ростом приходили потом ко мне и говорили спасибо. Я понимала многих, но вас, Лазарев, я не могу понять!..

Костя, недослушав, вышел из класса и решил больше не ходить на уроки рисования. Как решил – так и сделал.

* * *

Однажды он вышел из школы и увидел свою бабушку, ожидавшую его после уроков. Она была в шляпе, очках и кашемировом демисезонном пальто, с сумочкой. В свои годы бабушка очень неплохо выглядела: седых волос у неё было немного, она была бодра, активна и довольно энергична. Её визит в школу Костю не обрадовал.

– Ты чего припёрлась? Я же не в первом классе, а в седьмом как-никак! – завозмутился он.

– Костенька, я шла в магазин, взглянула на часы – как раз твои уроки заканчиваются, и решила зайти за тобой. Думала, сходим вместе, ты мне pomoжешь сумки донести, – слукавила бабушка.

– Ну ладно.

Дорогой бабушка сказала, что пока его ждала, встретила Ольгу Герасимовну.

– Зачем ты её обидел? – спросила бабушка нравоучительно.

Костя упрямо молчал, надеясь, что тема вскоре будет исчерпана. Но бабушка не унималась.

– Зачем ты обидел учительницу? Ведь она к тебе всей душой!..

– Ничем я её не обижал! – не выдержал Костя.

– Как не обижал? А кто нарисовал «сцену насилия» и «пропагандировал жестокость»? А потом нахамил ей? – бабушка строго посмотрела на внука через очки.

– Никто не хамил! Что она врёт! – огрызнулся подросток.

– Я «вру»? Так-так, Лазарев... Очень хорошо. Спасибо, спасибо тебе за всё! – Костя услышал знакомый голос и, обернувшись, увидел Коновалову в кожаных сапогах на высоком каблуке, в элегантном чёрном пальто, зелёном берете, с длинными серьгами в ушах. В руках она держала авоськи.

– Прекратите паясничать! – неожиданно для самого себя грубо бросил он учительнице.

Бабушка замерла на месте, а Коновалова изменилась в лице. В этот момент Косте показалось, что учительница ждала от него какой-нибудь дерзости и даже хотела её услышать...

– Что ты себе позволяешь! Немедленно извинись перед Ольгой Герасимовной! – приказала бабушка.

– Я не должен перед ней извиняться. И не собираюсь этого делать, – сказал Костя и отошёл в сторону.

– Как ты разговариваешь с учителем! – вслед ему кричала бабушка. – Ольга Герасимовна, простите нас, дорогая!

– Что вы, что вы, Елизавета Анатольевна, я нисколько на него не сержусь, – сказала Коновалова и как-то вызывающе улыбнулась, как будто что-то не договаривая. В этот момент её серьги качнулись.

И эта её дразнящая улыбочка и серьги особенно разозлили Костю. Он развернулся и пошёл домой.

Бабушка пришла следом. Родители сидели на кухне, пили чай и смотрели телевизор. Транслировался футбольный матч.

– Мама, ты уже ходила в магазин? Что ты такая расстроенная? – спросила бабушку мать.

– Какой там магазин! – махнула рукой бабушка. – Катя, Юра, вы представляете, он опозорил меня на всю школу!

– Кто? Костя?

– Сейчас встретили учительницу рисования: он при мне нахамил ей, заявил, что она врёт. Это где видано – так с учителем разговаривать? Я сказала ему: «Извинись!», а он плевать хотел. Совсем распоясался! Взрослым себя чувствует.

– Тихо! Дайте посмотреть футбол, – поморщился отец.

– Вам бы только всё телевизор! Сын от рук отбивается, оболтусом вырастет...

– Мама, мама, тише! Костя, что ты наговорил учительнице? – обратилась мать к Косте, который здесь же подогревал себе суп, наблюдая за футбольным матчем.

– Ничего такого. Надо не угрозами и заискиванием, а более порядочными методами управляться в классе. Школа – это не художественный театр, где надевают разные маски, и не зверинец, чтобы нас дрессировать.

– О, как заговорил! Тоже мне – педагог! – вставила бабушка.

– Я не педагог. Для меня педагогика синонимична лицемерию.

– Так, может, он и прав. Сказал ведь умно. Сказал то, что думает. А та, видимо, от своих интриг не отошла, – заметил отец, вступаясь за Костю.

– А вы не заступайтесь! Не всегда надо то, что думаешь, говорить, – парировала бабушка.

– Мама, если бы за него заступился Иван, ты бы ничего не сказала!

– Иван – больной человек, его пожалеть только. А Юра твой – здоровый. И только и делает, что тарашится в телевизор!

– Юра устаёт.

– От чего он устал, от футбола? – завелась бабушка. – Юра, вы совершенно не занимаетесь воспитанием ребёнка! Вас, кроме спорта, ничего не интересует! Он и так от рук отбил. Смотрите, упустите... уже упустили: он в девять лет у вас уже смотрел недетские фильмы, а теперь, где хочет, шляется, дерзит учителям – всё дозволено! То ли ещё будет! Подождите! Скоро курить начнёт! А Юра – знай себе только молчит и телевизор смотрит!..

– Что «Юра, Юра»?! – вскочил отец. – Вы вечно всем недовольны! То вам на даче всё переделай, то заготовки привези, то картину повесь, то кастрюлю запаяй! Всё Юра! Я отдыхать ни разу не ездил, мне на стадион сходить некогда, даже матч интереснейший не даёте посмотреть!

– Ах, только не ссорьтесь! – волновалась мать.

Отец достал сигарету из пачки, вздохнул и отправился на лестницу курить, громко хлопнув дверью.

– Мама, ну что ты делаешь! Он же не выдержит! – сказала с упреком мать.

– Ну и ладно, жалеть не будем. Не пропадём! Сами ребёнка воспитаем, – не обращая внимания на Костю, ответила бабушка.

– Что ты говоришь! Это ты не будешь жалеть! Ты всю жизнь о себе только думала! Только и думала, как нас развести. У тебя муж на войне погиб – так надо, чтоб и у меня его не было!.. Чем тебе Юра не угодил? Он всё на твоей даче делает. Стал бы другой копать эти гряды и возиться с яблоками?

– Во всём, оказывается, дача виновата! У неё – плохая мать! Я им жизнь отдаю. Живу ради них, пашу для них в три шеи на этой даче, таскаю сумки как проклятая из магазинов! Могла жить себе припеваючи в квартире, не ездить на эту дачу, не сажать там ничего... Мне бы хватило моей докторской пенсии. Всё – ради них! А они... неблагодарные, – кричала бабушка. – Ну, ничего, скоро помру, поживёте вы ещё без меня! Вспомните...

Хлопнула дверь, и вошёл отец. Он был бледный и держался за сердце.

– Юра, вам плохо? – Бабушка заговорила совершенно другим, испуганным, голосом. Принесла валокордин и маленькую рюмку, принялась отсчитывать капли. – Вам плохо? Выпейте. Может, врача?

– Мне хорошо, – махнул рукою отец и ушёл в комнату.

Отец и бабушка, как обычно бывало после ссоры, расходились по комнатам и несколько дней не разговаривали. Потом постепенно наступало примирение...

* * *

Однажды Костя подрался. Его вызвали к директору, и встал вопрос о привлечении милиции и о переводе в другую школу. К директору тут же пришла и Ольга Герасимовна. Костя подумал, что она будет на него жаловаться, и приготовился к самому худшему. Он стоял, нахально смотрел на неё в упор и ухмылялся. Но, к его удивлению, женщина принялась яро его защищать и убедила директора оставить в школе, мотивируя это тем, что он «очень талантливый». Пропущенные уроки опять оказались неотмеченными, а в конце года по рисованию у Кости стояла «пятёрка».

– Этого не стоило делать. Я вас не просил! – гордо заявил он Коноваловой при встрече, а она отвернулась и закрыла лицо руками.

Позже, повзрослев, Константин вспоминал этот случай с сожалением, ругал себя за то, что поступил грубо и даже жестоко со своей учительницей. А в то время он чувствовал себя героем, старался избегать Коновалову и всячески выказывал ей своё пренебрежение.

Она иногда звонила его бабушке и о чём-то подолгу с ней разговаривала. Это очень раздражало Константина. Особенно его нервировало то, что, как ему казалось, Коновалова говорила о нём так, *будто бы имела на него какие-то права*.

– Она мне никто: не мать, не сестра и не подруга! – закричал он однажды, увидев учительницу в автобусе, в котором ехал вместе с бабушкой. Бабушка сделала ему замечание, и тогда, бросив презрительный взгляд на учительницу, он раздвинул двери и на ходу выпрыгнул из автобуса.

* * *

Со временем интерес Кости к учительнице рисования ослаб, но их странные отношения тянулись по-прежнему. Предмет рисования сменился черчением. Лазарев на него почти не ходил. Он был занят тем, что искал возможность где-нибудь подработать на диски к приобретённому им новому музыкальному центру, пиво и, главным образом, сигареты. Деньги у него почти никогда не задерживались. Костя не умел их накапливать. Деньги как таковые его не

интересовали: они служили лишь средством для реализации того или иного желания, и Лазарев стремился заработать их ровно столько, сколько ему требовалось.

Домашние задания по черчению за него выполняла бабушка, чтобы «мальчика не выгнали из школы». Он даже не утруждал себя их подписывать. Это тоже делала бабушка.

– Лазарев, хоть бы своею рукой подписали, – однажды как бы невзначай заметила ему Коновалова.

– Мне это не надо, – ответил он, сузив глаза, и окинул её откровенным, нахальным взглядом.

– Ах, какой стал красавчик! Наверное, уже девушки заглядываются на такого молодца; только наглости стало у него выше роста! – язвительно улыбаясь, поддела его учительница.

И эта её улыбочка взбесила Лазарева. За минувший год он и правда вытянулся. Ходил с густой шапкой чёрных волос, с лёгкими пробивавшимися усиками, в светлом джинсовом костюме; на переменах курил в уборной сигареты «Мальборо», которыми щедро угощал товарищей за несколько минут до окончания урока.

Лазарев нагло взглянул из-под тёмных густых бровей на учительницу своими карими прищуренными глазами, усмехнулся и, ничего не сказав, вышел из класса.

Так для него закончился последний урок Коноваловой. С того дня Лазарев её почти не встречал. Только на последнем звонке, стоя на линейке с большим красивым букетом пухлых белых хризантем, он увидел среди учителей Ольгу Герасимовну. Она заметно постарела. На её лице прибавилось морщин, но оно оставалось таким же выразительным и тёмный мысик волос по-прежнему выступал на лбу. Учительница поймала его взгляд, и Костя прочитал в её чёрных глазах печаль и гордость. Она стояла в белой нарядной блузке. На груди был приколот атласный бант.

Когда подошло время дарить цветы, вдруг что-то словно толкнуло Константина: он направился к Коноваловой вместо классного руководителя, которой собирался вручить свой букет, и, ни слова не говоря, протянул хризантемы. Женщина этого не ожидала и не смогла скрыть своё удивление, испуг, радость... Она обняла Лазарева, прижала к себе и быстро чмокнула горячими накрашенными губами. Константин поспешил высвободиться и уйти. Ему было неприятно. Украдкой он взглянул на Коновалову. Она плакала.

...В тот день он принёс домой бутылку «Жигулёвского» пива и открыто поставил её на стол. При виде этого отец, сидевший на кухне перед телевизором, недовольно покосился на сына и со словами: «Это ещё что за новости? Рано тебе ещё пиво пить», – убрал бутылку в холодильник.

– Это моё. Сам заработал, – огрызнулся Костя.

– Я сказал – рано! – крикнул отец. – Ишь ты, «заработал» он!

Находившаяся тут же бабушка, ни слова не говоря, достала из холодильника бутылку и поставила обратно на стол.

– Что вы делаете, Елизавета Анатольевна?! – закричал отец.

– Не волнуйтесь. Сегодня можно, – сказала бабушка примирительно. – Сегодня – прощание со школой, а может, ещё какие переживания...

– Какие у него ещё «переживания»? Вы всё время его оправдываете. Я говорю одно, вы – другое. Прямо не воспитание, а басня «Лебедь, рак и щука»! – проворчал отец и вышел из кухни.

– Его воспитывать уже поздно. Раньше надо было думать о воспитании! – съязвила вслед ему бабушка.

«Вот именно», – подумал про себя Костя.

– Что тут происходит? – взволнованно спросила мать, поспешив на громкие голоса на кухню. – Костя, откуда у тебя пиво? – И тут же ополчилась на бабушку: – Мама, зачем ты даёшь ему карманные деньги? Сколько раз я тебя просила этого не делать! Ты совсем его избаловала:

и часы ему дорогие, и мопед на день рождения! Молодец! Приучай его к роскоши! Только не удивляйся, когда он хамит тебе и учителям, не удивляйся, что уроки прогуливал. Начал пиво пить, дожили! Может, скоро за решёткой окажется! Я к нему в тюрьму ни разу не приду, пусть только угодит! Будешь сама носить передачи!.. Ты его избаловала своей любовью!

– А кого ж мне ещё баловать, Катя? – сказала бабушка и обратилась к Косте, вытирая набежавшие слёзы. – Скоро, скоро я помру. Вспомнишь, Костенька, бабушку свою старую... На могилку цветочек уронишь?..

От этих слов Костя смущался. Он не любил бабушкиной сентиментальности.

...Вскоре после его выпуска Ольга Герасимовна ушла из школы. Сидя на полу и листая блокнот спустя годы, он пытался вспомнить черты её лица, но ему это не удавалось.

Университетская пора

Костя вырос, у него появились влюблённости, но ровесницы совершенно не волновали юношу: они казались ему пустыми и легкомысленными. Лазарева тянуло к женщинам постарше, более мудрым и глубоким, познавшим жизнь и имеющим устоявшиеся ценности. Он мечтал встретить женщину, которая бы прониклась его интересами настолько, что они стали бы частью её собственной жизни. Согласно его представлениям, «она должна тонко чувствовать, не чуждаться иррационального и обладать независимым от стереотипов мышлением, толкающим её на отчаянные и дерзкие поступки».

В тот год, когда Костя жил на Байкале, он увлёкся местной девушкой с тёмно-русыми волосами, открытым взглядом и высокой грудью. Лазарев почувствовал в этой девушке какое-то хрупкое, возвышенное начало: понятия чести и благородства имели для неё особую ценность. Она была замужем, но её муж-пианист играл в ресторане в райцентре и мог не появляться дома неделями, объясняя свой образ жизни «творческой необходимостью». С печальной иронией Инга, так звали эту девушку, делилась с Костей тем, что с некоторых пор «сама даже не знает, то ли она замужем, то ли – нет», но подавать на развод не хотела, объясняя это тем, что жалела мужа.

Костя всегда её выслушивал и утешал, как умел. А однажды она прижалась к нему грудью и заплакала. Он гладил её по голове, находил ласковые слова... Вдруг Инга притянула его к себе и страстно и горячо поцеловала в губы. Костя задрожал, захваченный острым и сильным чувством... В тот день он впервые испытал близость с женщиной.

Они встречались до тех пор, пока он не уехал. Больше Костя никогда Ингу не видел.

Юный возраст, шальная потребность в чувствах, бьющая ключом в поисках выхода, молодая энергия брали своё. В его жизни появилась женщина. Она играла в одном из столичных театров, а вечерами подрабатывала на жизнь в небольшом ресторане-кабаре, где они и познакомились. Будучи одинокой, намного старше Константина, она позволяла ему всё, давая выход необузданной, мучившей его энергии. Первое время он чувствовал себя счастливым, но спустя пару месяцев их встречи, сопровождавшиеся неприменной выпивкой и пустыми разговорами, стали отягощать парня. Она постоянно говорила о своей трагической судьбе и выпавших на её долю нелёгких испытаниях, о переживаниях, ведомых только ей и оставивших «глубокие раны на сердце». Вскоре Косте вконец наскучили её пьяные истории и однообразие этих ни к чему не ведущих встреч. Расстались они со скандалом. Она не хотела его отпускать, прикидывалась больной, истерика, требовала, чтобы он остался, чтобы пил вместе с ней, впивалась ему в лицо и руки, грозила свести счёты с жизнью. Поначалу это его удерживало, но однажды он ушёл, не закрыв за собой дверь. А на душе остался неприятный осадок.

После этого женщины на какое-то время перестали интересовать Константина. Он старался не замечать их. Но вскоре душе вновь начинало чего-то недоставать... В воображении возникал образ женщины, связанный с не покидавшими его воспоминаниями из детства... «Я думала, тебя захватит университет. Не каждому дано стать студентом такого вуза, а ты это не ценишь!» – говорила бабушка, чувствуя его тоску.

Но университет, вопреки бабушкиным увещаниям, не вызывал в нём благоговейного трепета. Костя не рвался в библиотеку, не спешил с горящими глазами на занятия, не просиживал вечера над учебниками.

Когда-то он хотел стать военным лётчиком, как дядя Толя, бабушкин знакомый, приходивший с женой к ним в гости на даче, но в старших классах понял, что ему не сдать математику и тем более физику... Надо было выбирать что-то другое...

Проведя детство в окружении книг на бабушкиной даче, он всерьёз увлёкся художественной и философской литературой, начал писать сам и загорелся мечтой поступить в лучший вуз

страны. Свой выбор – стать литературным работником – Костя сделал вполне осознанно. Ещё в детстве он любил сочинять устные фантастические рассказы, у него были свои герои, с которыми происходили необыкновенные приключения... Позже он почувствовал тягу к бумаге и ручке: стал записывать приходившие в голову стихи, новеллы и впечатлившие его истории, которые ему рассказывала бабушка из своей жизни. Косте очень нравилось излагать на бумаге свои мысли, подыскивать подходящие метафоры, создавать художественные образы.

И хотя бабушка мечтала, чтобы внук пошёл по её стопам: в географию или, в крайнем случае, в геологию, а отец не вполне понимал, какую же профессию он получит, домочадцы его выбор приняли. На удивление Кости, его поддержала мать: «Что ж, пусть учится. Может, станет журналистом и будет получать хорошие деньги».

Но, поступив в университет, Лазарев охладел к учёбе: то ли он насытился чтением в отрочестве, то ли у него находились более интересные занятия... Начались лихие гулянки, попойки с друзьями, иногда заканчивавшиеся попаданием в милицию и возвращениями домой под утро, а то и на другой день. То, о чём вещали с кафедры преподаватели, было ему либо давно знакомым, либо скучным; складывалось впечатление, будто лекции не слишком интересовали и самих лекторов. Гораздо важнее всех университетских занятий для Константина были моменты, когда он оставался один: размышлял, писал, уходил на лыжах или отправлялся на этюды.

Однажды на пленэре он познакомился с молодой художницей по имени Елена. Она привлекла его сперва своей внешностью, а затем и какой-то внутренней утончённостью, возвышающей её над обыденной суетой, чем напоминала ему Ингу. Костя называл её Еленой Прекрасной. От большинства его университетских знакомых Елену отличало равнодушие к деньгам и успешной карьере. Зато она любила часами обсуждать картины Нестерова или Шагала, забыв, что закрывается метро; не задумываясь, могла побежать среди ночи в центр для того, чтобы посмотреть на блики огней и на игру их отражений в Москве-реке; могла, взяв этюдник, уехать одна в незнакомый лес. А однажды ей показались сверкнувшие в его глазах слёзы, и Елена соскочила с последнего автобуса, идущего в Долгопрудный, где она жила...

– Ты вернулась? – воскликнул он, не веря своим глазам.

– Просто мне показалось... И я решила вернуться.

– Тебе показалось.

Он был глубоко тронут. Они долго стояли у фонаря возле автобусной остановки, обнявшись, а потом отправились писать ночной этюд. Всё в природе, даже цвета, тогда были какими-то необыкновенными: ультрамариновыми и серебристыми... Этот её поступок глубоко врезался в память Константину. И сейчас, сидя на подоконнике, юноша вспоминал Елену с благодарностью... Эта женщина старалась не причинять ему боль. И даже тогда, когда заметила его зарождавшееся чувство и честно сказала, что не может на него ответить. Единственная женщина, поговорившая с ним откровенно! Костя был на десять лет моложе её; она безответно любила другого человека.

Их отношения переросли в нежную, возвышенную дружбу. Они стали близки настолько, что могли говорить целыми ночами напролёт, доверяя друг другу самое сокровенное и желая искренне другому земного счастья.

«Тебе не больно об этом говорить?» – спрашивала Елена, когда хотела с ним посоветоваться как с мужчиной в каком-то деликатном вопросе, касающемся её возлюбленного. «Всё в порядке. Говори», – отвечал Лазарев.

* * *

Родители были в нём крайне разочарованы и часто отказывались его понимать.

«Что за разговоры по ночам?! Лучше садись занимайся или ищи себе работу! – сердился отец. – Ты бы не слушал так громко музыку! Как она нам надоела! Ты бы не пил пиво! Не вздумай мечтать о машине – разобьёшься! Шёл бы лучше деньги зарабатывать: всё равно толком не учишься!» – только и слышал он дома.

«Всё у тебя – не как у людей. Ну кто под вечер собирается кататься на лыжах?! Люди скоро ложатся спать... Зачем стоишь по сорок минут в ванной перед зеркалом и смыливаешь мыло! Ты совершенно не умеешь экономить! Почему бы тебе вместо встреч с друзьями и ночных разговоров не помочь нам на даче сажать картошку?!» – возмущалась мать.

В конце концов, оставили бы они его в покое!

Они – не без дядиной помощи – зачем-то «отмазали» его от армии, когда он не поступил в вуз. Тогда разразился давно назревавший конфликт. «Не поступил – и пойду служить! – заявил он родителям. – Нечего оберегать меня и вмешиваться в мою жизнь!» Косте не нравилось, что они пытаются «распоряжаться его жизнью». Он хотел самостоятельности и независимости и, чувствуя давление, начал открыто противостоять влиянию родных. И неизвестно, чем бы тогда закончилось это противостояние, если бы дядя Иван не увёз его на Байкал.

Вернувшись, он сдал успешно экзамены в университет и был зачислен на первый курс, но отношения с родителями стали ещё сложнее. Лишь только они начинали слегка налаживаться, случалась какая-нибудь нелепость, и Костя срывался, дерзил, хлопал дверью, уходил ночевать к другу... Родители тревожились: они считали, что он «прожигает жизнь» и что «ничего путного из него не получится». Только бабушка по-прежнему в него верила и сочувствовала внуку. Она старалась сделать так, чтобы он не чувствовал жизненной неудовлетворённости: тайком покупала ему сигареты, давала деньги и, как считали почти все родственники, «невероятно его избаловала». Если Костя приходил выпившим, она бережно раздевала его и укладывала в постель, а наутро отпаивала свежим чаем. Бабушка очень переживала его охлаждение к учёбе. «Ваш университет – это же целый мир, целый город. Столько можно всего познать, столько взять от этого города! А ты что оттуда вынесешь?!» – сетовала она.

И это была правда. Можно было «вынести» непомерно больше. Бабушка хотела для внука научной карьеры. Она видела его будущим профессором, известным и уважаемым, в изящном костюме, читающим лекции с кафедры... С детства бабушка покупала ему различные словари, справочники и энциклопедии. Огромная библиотека была собрана ею. Внук же ничуть не стремился к карьерному росту. Она схватывал всё легко, но, как и в школе, не отличался прилежанием и занимался только тем, что было ему интересно.

А интересно ему было немного: собственное творчество, философия и некоторые поэты.

«ИРЛЯ»

Молодой человек перевёл взгляд со стихов на лежавшую на столе толстую тетрадь. На обложке были написаны четыре крупные буквы: «ИРЛЯ». «История русского литературного языка» – так назывался предмет.

«...Первый раз она уверенно вошла в аудиторию, постукивая каблуками, в экстравагантно короткой юбке, которая удивительно ей шла, несмотря на то, что женщине было уже за сорок и лёгкая седина уже успела кое-где затесаться в тёмные пряди её волос.

„Здравствуйте. Вам со мной не повезло“, – была её первая фраза.

Невысокого роста, худощавая, она сразу выделялась среди преподавателей своими глазами, горевшими живым огнём, выдававшим человека весьма эрудированного и интеллектуального, увлечённого своим делом. „И профиль, как у Нефертити“, – подумал я сразу, как только её увидел.

„Придётся работать, – сказала она. – Или лучше сразу от меня откажитесь. Тем более что коллеги по кафедре вас поймут: у меня с ними сложные отношения“. Она обвела взглядом аудиторию. Никто из нас не встал и не вышел.

„Предупреждаю сразу, – объявила она, – что нудного молчания и жалобного смотрения в глаза на экзамене не будет... И забудьте про все эти вопросы, билеты. У нас экзамен будет проходить по-другому. Я хочу видеть вас, вашу работу, ваше творчество, – говорила она, и глаза её светились, казалось, заражая нас своим энтузиазмом. – А теперь проверим, что вы знаете из курсов старославянского и древнерусского языков...“

Когда выяснилось, что „коллеги по кафедре“ нас „не научили ничему“, она не стала сердиться, не стала никого ругать, а сказала: „Тогда будем узнавать вместе. Я никому не скажу о ваших пробелах, которые необходимо ликвидировать“.

И я, считавший себя прирождённым литератором, углубился в лингвистику, принялся изучать труды Фортунатова, Виноградова, Успенского... И хотя не настолько мне было всё это интересно, интерес придёт позже, я хотел не ударить в грязь лицом. Было очень стыдно не ответить, явиться на её занятие неподготовленным, а ещё хуже – ляпнуть глупость и тем самым разочаровать Никольскую, зная, как она будет смотреть на тебя, с какой надеждой ждать верного ответа и какими печальными станут её глаза, если ты не оправдаешь её ожиданий...

Однажды наша группа не подготовилась к занятиям. Никольская спросила одного – он не знал, спросила другого – то же самое. Тогда, глядя на нас пристально, и каждому казалось, что она смотрит именно на него, Никольская закричала: „Вы знаете, что меня всё время приглашают в другие страны?! Я могла остаться преподавать в Сорбоннском университете, а вернулась на родину, потому что видела смысл – учить наших студентов! Я выкладываюсь, ночами сижу!! А кому это всё надо, если вы позволяете себе не готовиться?!“

С этого дня мы поняли, что если кто-то из нас не был готов, в тот день ему лучше вообще не появляться на семинаре: мы боялись снова её огорчить. Никто из других преподавателей всерьёз не переживал из-за наших ответов и даже не делал вид, что переживает.

Никольская никогда не разочаровывалась до конца ни в одном из своих студентов: она надеялась до последнего и ждала от каждого яркой, умной мысли. Она всегда задерживала нашу группу после занятия, и преподаватель литературы, к которому мы опаздывали на следующую пару, выражал видимое недовольство. Но все понимали, что это задевало лишь его самолюбие; наше присутствие на лекции на самом деле не было для него важно.

Никольская имела свои, независимые и даже противоположные многим „корифеям традиционной науки“, концепции и идеи. Она даже разработала целую теорию о происхождении церковно-славянского языка. Но её путь в большой науке был тернистым. Её многие предавали в жизни. Те, кому она очень верила и помогала, – ученики, коллеги, муж... В университете у неё возник конфликт не с кем-нибудь, а с самим деканом из-за какой-то глупости, перешедший в серьёзную ссору, подогреваемую „коллегами по работе“.

... Я навсегда запомнил её пристальный взгляд в тот декабрьский вечер. Никольская стояла у лифта, одетая в элегантную шубу из натурального меха. Вдруг она обернулась и долгим взглядом посмотрела на меня так, словно решалась что-то доверить мне одному...

Однажды она заболела, а кроме семилетнего сынишки помочь было некому, и мы с другом оказались рядом. Какое это было счастье! Было так непривычно видеть её, строгую и гордую, в полосатой футболке, лежащей на диване с рукописью в руках. Даже в таком состоянии она пыталась работать...

На стене напротив дивана висела картина: летний пейзаж, выполненный в реалистической манере: лес, луга и уводящая вдаль тропинка, по которой идёт девчушка... „Эта картина неизвестного автора. Она мне досталась от родителей. Я про себя назвала её „Сирота“. Почему-то, когда я на неё смотрю, мне становится очень грустно...“, – сказала Никольская. Я знал, что её родители умерли.

А между тем вокруг Никольской плелись интриги. Она противостояла всей кафедре.

В доме Никольской царил творческая обстановка: там собирались интересные люди, проводились научные семинары и дружеские культурные посиделки. Помню белокурого мальчика, не отходившего от неё ни на шаг. Никольская, как мне казалось, излишне его опекала, буквально „тряслась“ над этим ребёнком, старалась оградить от всего, уберечь, одновременно требуя от него недетских решений и поступков. „Твой отец – подонок!“ – как-то, всплыв, крикнула она. А однажды, это тоже было при мне, раздался телефонный звонок. Звонил этот самый Антон Антонович, её бывший супруг-учёный с какой-то сложной фамилией, не то литовской, не то греческой: то ли Бахиус, то ли Герингус... Он сказал, что решил отдать свой компьютер сыну, так как недавно приобрёл себе новый, и минут через десять заедет. „Вспомнил о ребёнке“, – сказала Никольская и ушла в свою комнату. К нему она даже не вышла, а когда он уехал, я заметил в её глазах слёзы.

А потом... было всякое... Были проводы на вокзал с огромными чемоданами, была разбитая антикварная лампа „под керосинку“ у неё дома, был сооружённый мной книжный стеллаж, „плывший“ на моих и друговых руках прямо по Комсомольскому проспекту... Были бесчисленные коты, искусно сделанные для неё из разных материалов, во всевозможных видах и позах, был снеговик под дверью с розочкой в голове и нарисованным красной гуашью сердцем, исписанная несмываемыми красками стена, которую она

„полдня безуспешно тёрла мочалкой“, там же – унесённый из одного из домов на Красной Пресне огнетушитель, а на полу к нему надпись: „Не потушишь даже этим!“, был альпинист, под Новый год „влетевший“ в окно в костюме деда Мороза, разумеется, в моём лице. Она терпела все мои выходки, прощала всё, что я вытворял, пытаясь тем самым привлечь её внимание. Я знал, что она никогда не предаст меня...

В доме Никольской я по-прежнему бывал довольно часто. Её стены украшали уже и мои этюды.

...Это длилось больше года. Я на что-то надеялся, переживал и постоянно удивлялся, почему она не решалась откровенно поговорить со мной, честно расставив все точки над і.

Она очень остро переживала положение брошенной на самотёк большой науки, ситуацию в университете, предательство бывшего мужа – её же ученика. Однажды, когда я пришёл к ней, Никольская поделилась со мной своей жизненной трагедией, и в какой-то момент мне показалось, что мы думаем об одном и том же... Что ещё мгновение, и сомкнутся объятия... Она смотрела на меня пристально, как-то по-особенному, призывно. Но... ничего не произошло. Я тупо и робко кивал, поддакивал, успокаивал... А она говорила о том, что мне давно пора публиковаться, выходить на другой уровень.

А спустя полгода Никольская ушла из университета, гордо, достойно, красиво, и в одном из университетских туалетов появилась надпись: „Филфак мельчает!“, которую вскоре тщательно затёрли и закрасили белой масляной краской, в то время как прочие надписи и рисунки, даже самого неприличного характера, оставались нетронутыми».

Юноша отбросил блокнот и снова забрался на подоконник.

«Бред»

«Перемен требуют наши сердца».

В. Цой

Окно родительской квартиры находилось чуть ниже барельефного пояса, замышлявшегося архитектором как украшение дома, и скульптуры, если можно было так назвать эти каменные изваяния в виде символов прошлой эпохи, казалось, давили ему на сознание. Особенно раздражала молодого человека массивная фигура грудастой колхозницы со снопом, нависавшая над его окном, заграждая густой тенью чуть ли не три четверти солнечного света почти на весь день.

За окном дрожали верхушки деревьев, тронутые ветром; со звоном проносились трамваи, оставляя за собой блеск на рельсах, словно след на льду от конька; потоком текли автомобили, обгоняя спешащих прохожих. Но вся эта будничная суета не трогала Константина.

Сессия была сдана. Сокурсники разъехались кто куда: кто устремился на юга, кто – в научную экспедицию, кто решил подзаработать на жизнь. Теперь и он до осени был свободен. Но эта свобода не радовала Константина, скорее, наоборот, тяготила. Юноша не знал, что с ней делать.

«Зачем мне этот диплом, эта учёба, если здесь я нигде не могу применить свои знания?! Кому они нужны?! Кругом лишь жажда наживы; люди не хотят мыслить; разговоры – только о том, как заработать, сколько что стоит, куда пихнуть... Для чего я пишу стихи и повести? Это никому не нужно», – думал он, вспоминая свой недавний поход в редакцию, в очередной раз убедивший его в тщетности всех попыток опубликоваться. «Вы неплохо пишете, молодой человек, но сейчас эти темы неактуальны. Сейчас читают детективы, лёгкие любовные романы, фантастику, на худой конец, боевики, а вы написали философскую повесть, которая рассчитана на узкий круг читателей. Она не принесёт коммерческого успеха», – почти одно и то же говорили ему в разных издательствах, куда он приносил свои произведения. «А если я напишу боевик, вы его возьмёте?» – спросил он в одной редакции. «Видите ли, молодой человек, – глядя на него сквозь очки, покачал головой пожилой редактор, – скажу вам честно: у вас богатый литературный язык и хороший стиль, но навряд ли Ваши произведения кто-нибудь напечатает. Издатели заинтересованы прежде всего не в красоте вашего слога, не в сюжете и образах; им надо, чтобы книги раскупались. Кто будет покупать неизвестного автора?..»

Отчаявшись, он перестал куда-либо предлагать свои рукописи и продолжал писать «в стол», когда его посещало вдохновение. Но оно приходило к Константину всё реже и реже, а мысль о том, что «надо как можно скорее бежать из этого душного, суетливого города», настойчиво одолевала его.

Родные считают его неудачником. «Кому нужно твоё это так называемое „творчество“?! Что оно даёт?! Лучше иди зарабатывай!» – ворчал отец.

Но найти интересную и хорошо оплачиваемую работу по специальности Лазареву не удалось: не всех работодателей устраивало то, что он студент, либо предлагаемые вакансии не подходили ему. «Заниматься тем, что мне не по душе, я не буду: жаль времени», – решил Константин и продолжал обходиться случайными заработками. Временами ему ничего не хотелось делать: ничто не радовало и не увлекало. В такие периоды он замыкался в себе.

«Сел бы, позанимался чем-нибудь, Костенька. Хватит пиво пить», – говорила ему бабушка, чувствующая его душевное состояние.

«А что делать ещё?»

«Я думала, наука тебя отвлечёт», – со слезами в голосе повторяла она внуку.

«От чего?» – переспрашивал он, стараясь казаться как можно беспечнее.

«От *этого*... Ты думаешь, мне не тяжело видеть то, что делается вокруг: умышленное уничтожение всего того, что мы создали по крупицам: развал заводов, ферм, колхозов, скотных дворов?.. Но я отвлекаю себя работой: ко мне приходят аспиранты, я с ними занимаюсь и сама продолжаю свои исследования; мне интересно узнать, *что* дальше будет: как перезимуют на полях побеги, не вымерзнут ли, не выпреют ли они под снегом? Хватит ли на год урожая, или придётся закупать? А как улучшить условия, как помочь им – растениям?! И знаешь, как жить интересно становится! Жаль только, у меня мало осталось времени. Жизнь очень коротка. Ты молодой и не замечаешь, что она летит, не ценишь время, тебе всё неинтересно, даже наука...»

«Наука, наука – такое ёмкое, многообещающее слово!.. Какая, к чёрту наука, кому она нужна? Горстке одержимых энтузиастов, таких как моя бабушка? Кругом суета в предвкушении начинающейся погони за деньгами; время талонов и очередей ушло в прошлое. Наукой же сейчас не заработаешь! Не то время! Бабушке повезло, что её труд, помимо удовольствия, приносил ей хорошие деньги. А какая в будущем вырисовывается работа с моим-то образованием?..» Идти в школу или в редакцию он не хотел, тем более в какой-нибудь офис. Вставала дилемма: либо наука, либо заработок.

К тому же у Константина произошёл серьёзный конфликт с деканом, закрывший ему навсегда научную карьеру в университете. «Я не буду чистить апельсины на кафедре, в то время, когда преподаватели пьют на банкете. Я не слуга», – заявил он, когда его, в числе других студентов, хотели привлечь к этой добровольно-принудительной обязанности. Вскоре после этого случая студенту Константину Лазареву дали понять, чтобы он не рассчитывал поступить в аспирантуру и не надеялся остаться преподавать в университете.

Но это не сильно удручало молодого человека, испытывавшего серьёзные сомнения в реальной нужности знаний современным учащимся. Год назад он подрабатывал в лицее и убедился в том, что детям, в сущности, всё равно, чем занять учебное время: перекладывать ли линейку с одного места на другое, отвечать ли на заданные вопросы – всё едино, а значит, *смысла нет*. Смысл был где-то забыт или утерян. «Действительно, есть море литературы, и ты теряешься в этом море. Как будто мы все куда-то плывём, как у Бродского: „без лоцманов и без лодий“. Раньше были популярны Пушкин и Чехов. А сейчас – кто будет читать их сейчас?! Разве что по необходимости. Получается, смысл лишь в том, чтобы тупо заполнять жизненное пространство».

Через год Константин уволился: ему было в лицее неинтересно; к тому же он понял, что заработает больше, «таксуя» на дядиной ещё вполне ходовой «девятке». В этом смысловом вакууме – в состоянии «между» периодом утратившихся прежних ценностей и эпохой, провозгласившей главной ценностью деньги, – повисло какое-то ощущение безвременья с неотвратимым навязчивым вопросом: *для чего? Жизнь – для чего?..*

Наука? Работа? Зарабатывание денег?

«Этот период пройдёт. Вот увидишь. Пройдёт время, и ты будешь востребован», – говорила ему бабушка.

«Ты, главное, брат, не сбивайся: делай своё дело, не обращая внимания ни на что. Со временем всё на свои места станет», – подбадривал дядя.

«Забей на всё, идём пить пиво! Что ты смурной какой-то? Тебя не публикуют, а мне не дают ни реактивы для опытов, ни оборудование, ни помещение. И ничего. Не унываю!» – поддерживал друг.

Но эти люди уже не могли оказаться рядом. В прошлом году умерла бабушка. Это случилось скоропостижно и стало для Кости таким ударом, после которого он очень долго не мог прийти в себя. Несколько месяцев он не жил, а просто существовал; запустил учёбу и только благодаря научному руководителю не был отчислен.

Вскоре случилось несчастье с дядей... Только теперь Костя чувствовал, как остро ему не хватало их обоих...

Вдобавок ко всему совсем недавно улетел за границу его лучший друг. Ему предложили в Канаде лабораторию, необходимые условия для научных занятий и весьма приличную по российским меркам стипендию. Друг заключил контракт на три года, но в аэропорту Костя понял, что провожает его навсегда.

Теперь Константин видел для себя в перспективе лишь пустоту. Она казалась ему почти материальной, он чувствовал её как зияющую чёрную дыру, воронку, поглощающую всё на своём пути. Эта воронка надвигалась на него, приближаясь с каждым днём. Ему казалось, что он видит, как она засасывает в себя всё живое, и гнетущее предчувствие день ото дня всё больше и больше овладевало им. Непонятное состояние, переходное между сном и явью, становилось для Константина привычным. Ему не хотелось никуда идти, ни с кем встречаться, ничего делать, даже слушать любимые песни. Изю дня в день он либо бесцельно валялся на диване, либо сидел на подоконнике. Он даже с равнодушием пил пиво. Учёба была запущена так, что он уже подумывал взять академический, чем возмущалась вся его родня, включая дальних, живущих за городом, родственников. Им-то, казалось, какое до этого дело?! Константин ощущал невероятную душевную усталость и давящую безысходность.

Однажды, движимый каким-то порывом, он проснулся и поехал на вокзал, купил билет до той станции, где когда-то была бабушкина дача. Но, приехав туда, увидел развалины: дачу давно снесли, дом сравняли с землёй, старые берёзы срубили, чтобы построить многоэтажки, которые так и не достроили.

Домой он вернулся разбитый, упал на диван прямо в ботинках и пролежал ничком около суток, пока мать не зашла к нему в комнату.

– Что с тобой? – спросила она взволнованно.

– Всё в порядке. Закрой дверь. Я отдыхаю, – ответил Константин.

– От чего отдыхаешь? От отдыха?

– Закрой дверь, я сказал! – закричал парень, и лишь только закрылась дверь, вскочил, взял блокнот и машинально записал пришедшие в голову строки:

Бред

В расход идёт последняя сотня:
Что же мы будет есть и[ли] пить сегодня?
Нет, на сегодня выпить осталось...
Завтра осталась – одна усталость.

Жизнь – совсем как колесница...
Жить – иль лучше застрелиться?..
Назовёт себя врачом —
Кто работал палачом.

Бельмом в глазу зияет БЕЛЫЙ ДОМ,
Хоть не вчера ПОЖАР случился в нём.
Кругом – лишь магазины, бары, банки...
Шум, суета... снуют туда-сюда:
Бомжи, бандиты, бляди, лесбиянки...
Кругом – сплошной вертеп, сплошной сортир!
Все – злые: нищие, «крутые»,

И бесконечные текут автомобили.

Стоят дома с историей своей.
Вот здание. Была в нём коммуналка.
Там люди жили, многие – всю жизнь...
Дежурили и в ванной, и на кухне.
А всё же разъезжаться было трудно...

На кухне – хлам;
Быт – многих храм;
Вновь капает проклятый кран;
В Москве кругом царит ислам.
Горит приевшийся экран;
Пойду приму феназепам.
А за окном – подъёмный кран
Упрямо роев котлован...
Базарят фракции на съезде;
Разбита лампочка в подъезде;
Шалют расшатанные нервы...
Покой в деревне... Да, покой в деревне...

Ещё на сегодня – выпить осталось;
Завтра осталась – одна усталость.
В стране невозможно найти работу.
Послать бы всё к ядрёной матери и к чёрту,

Принять транквилизаторы от нервов...
Уехать скорее отсюда в деревню!
Там дядя Ваня вешает хомут,
Работают вовсю – и водку пьют...

И по ночам там видят сны,
И верят в эти сны, как дети,
Встают там рано на рассвете;
Там в это время петухи поют,
И по мозгам часы проклятые не бьют...

А пока – затянуть пояса,
Зайти в Храм и поставить свечу...
Не так истязали Иисуса Христа —
Потерпим, потерпим чуть-чуть...

«За флажки, жажда жизни сильнее!..»⁸

С улицы из открытого окна веяло утренней свежестью, вместе с которой приходило предощущение лета: день обещал быть жарким. «Хорошее утро, антициклонное», – сказала бы сейчас бабушка...

Потянувшись, Константин скользнул ногой по откосу, оставив на его поверхности отпечаток рельефной подошвы. Всё это время он так и просидел на подоконнике с блокнотом в руках, вспоминая.

«Не сходить ли мне в парикмахерскую?» – подумал он, почувствовав необходимость что-то срочно в себе изменить, хотя бы остричь длинные, до плеч, волосы, которые носил уже два года.

Из парикмахерской Константин вышел, словно обновлённый, с коротко остриженной головой, чувствуя свежесть ветра и лёгкость, будто освободился от лишнего груза. Он ощущал прилив жизненной энергии и решил, пока она не растратилась, сделать ещё одно важное дело: залечить давно беспокоивший его зуб.

Он, конечно, мог пойти в районную поликлинику, в душное, заплёванное помещение, отсидеть в длинной очереди, ожидая, когда раздражённая сестра в несвежем халате недовольным голосом позовёт его в кабинет, но Константину хотелось как можно скорее разделаться с зубом, пока он чувствовал в себе порыв энергии – взлететь на нём на гребень новой волны. И он, не дожидаясь трамвая, быстрым шагом направился в сторону центра, в платную поликлинику. А в голове прокручивались стихи:

«В мусорных урнах танцуют
остатки;
всегда торжествуют остатки
в числе;
Осадки всегда переходят в остатки,
И остаются осадки в душе...»

Лазарев подошёл к поликлинике. Блестящий кафель, никого народу. «Молодой человек, подождите. Молодой человек, бахилы... Так, посмотрим... Вам нужна пломба... Оплатите в кассу, и мы продолжим разговор».

Что-то как будто упало, щёлкнуло вдруг в душе. Сделалось невероятно противно возвращаться в кабинет к ожидавшему его доктору. Стало жаль времени, жаль потерять порыв – и опять окунуться в бессмысленную суету, в пустую повседневность. «Да, пошло всё к чёрту! Надоело! Надо быстрее, быстрее отсюда бежать! Здесь я не нашёл себе места!» – думал Константин. Душа его разрывалась. Он сознавал, что если сегодня, сейчас, в этот же момент ничего не предпримет, то так и будет сидеть на подоконнике всю жизнь. В ней ничего не изменится.

Лазарев подошёл было к кассе.

– Ещё ничего не сделали, только в рот заглянули – уже плати! – бросил он и неожиданно для самого себя, а ещё более для кассирши, развернулся и вышел, закрыв за собой тяжёлую дверь с пластиковой табличкой «Стоматология».

Летний ветер приятно обдал его. И, не раздумывая, пешком, по московским улицам, пересекая магистрали и проспекты и не обращая внимания на светофоры, парень зашагал к Ярославскому вокзалу. Он ещё не знал, куда взять билет, но твёрдо решил отправиться на Север, вопреки всем, устремляющимся на юг, к тёплым морям, в фешенебельные отели.

⁸ Из песни В. Высоцкого «Идёт охота на волков».

«Я поеду в край ссыльных и каторжан добровольно. А юг я уступаю всем желающим – зелёный свет им». Когда подошла его очередь, полная пожилая женщина в белой блузке и форменном пиджаке вопросительно посмотрела на него сквозь стеклянную перегородку кассы, и растерявшийся Костя вспомнил эпизод из фильма «Вокзал для двоих», когда главный герой просит кассиршу продать ему билет «до какой-нибудь счастливой станции» и уже хотел повторить его просьбу, вставив в неё только слово «северной», как с языка сорвалось, словно кто-то шепнул ему, уверенно и отчётливо:

– Архангельск.

...По мере того, как поезд удалялся от Москвы, Константин испытывал небывалое облегчение и свободу. Ему казалось, что судьба его ведёт, хотя он ехал в неизвестность.

Поезд шёл около суток. В вагоне было душно. И когда поезд плавно подошёл к перрону Архангельска, словно причаливающий корабль, Лазарев испытал почти счастье.

Впервые на Севере

В небольшом, ещё недавно закрытом военном городе под Архангельском Костя впервые увидел море. «Светлое, „честное“, как сказал бы Бродский», – думал он, с удивлением замечая, что Белое море было значительно светлее неба. Оно отсвечивало, переливалось и действительно казалось розовато-белым. У горизонта виднелись суда; чуть ближе маячили рыбаки на надувных резиновых лодках. Бодрящий ветер приносил запах рыбы и водорослей.

Хотя Ягры тонким перешейком соединялся с материком, местные называли его островом. Лазарев шёл вдоль по берегу, любовался пейзажем и прислушивался: ему казалось, что море словно что-то шептало, набегая на берег мощными волнами. Увлёкшись, Костя чуть было не наступил на лежавший на литорали⁹ ярко-розовый предмет.

– Полотенце? – удивился он вслух.

– Какое тебе, на хрен, полотенце? Это же – медуза мёртвая, – обронил проходивший мимо парень.

– Медуза? – Костя поднял на него глаза.

– Вон, у мужика спроси, раз не веришь.

Днём в этом небольшом городе людей почти не было видно. Город жил своей жизнью. Утром он дружно вставал, и, как в ещё недавнее советское время, его жители все как один шли на работу. В основном люди работали здесь в двух местах: либо на заводе по строительству подводных лодок, либо – по их ремонту. А к вечеру город пил. Пил так, что пьяных мастеров и моряков с трудом выволакивали из автобусов кондукторы. Но, несмотря на это, всюду в этом городе царил дух мужества и патриотизма.

Здесь Костя ощутил себя словно в ушедшей эпохе своего детства: укладом и даже архитектурой этот северный город напоминал ему военный городок в Болшево. Здесь юноше нравилось всё: Север завораживал его своей особой красотой и человеческой честностью. Однажды в автобусе он забыл сумку, спохватился лишь на следующий день, пришёл в автопарк и был очень удивлён, когда ему её тотчас вернули нетронутой, с бумажником и фотоаппаратом.

– Товарищ, – обратился студент к идущему вдоль берега вразвалочку невысокому рыжеватому мужчине лет пятидесяти с загорелым, обветренным лицом, – скажите, что это?

– Это медуза, – охотно ответил мужчина.

Они разговорились.

– А вот что, парень, пойдём-ка ко мне посидим. Я здесь рядом, за озером, живу, – пригласил мужчина.

Его звали Володей. По дороге он рассказал, что в прошлом служил электриком на подводной лодке, а выйдя на пенсию, устроился мастером на «Звёздочку»¹⁰.

Несмотря на то, что равнодушные мужчины к спиртному скрыть было трудно, его квартира ничуть не походила на жилище алкоголика: в ней было довольно чисто, росли комнатные цветы, и две сиамские кошки выглядели вполне довольными.

– За всем моя жена, Люба, по дому присматривает. Она у меня хорошая. Бывает, что и напьюсь, а она всё терпит, не бросает меня, говорит, жалко. Мы многое с ней пережили... Когда зарплату чулками выдавали – и такое было... Люди и «шило»¹¹ пили, и клей «БФ»: его ещё меж собой мужики называли «Борисом Фёдоровичем». Даже ацетон пили: мужики на два пальца его в стакан наливали, а на четыре – воды, размешивали и пили. Правда, голову сильно сшибало, но потом восстанавливалось. Пили морилку – и чёрные, как негры, ходили потом, а

⁹ Литораль – прибрежная береговая линия, место заполняемой водой во время прилива и становящаяся сушей при отливе.

¹⁰ «Звёздочка» – завод по ремонту подводных лодок.

¹¹ «Шило» – технический спирт плохой очистки.

многие на *Миронову гору*¹² отправились. Отец у меня там лежит. Списки умерших каждый день в газетах печатали. Сейчас иной раз иду на работу, а сам думаю: только б проходную миновать, только б не учуяли... Устал я от жизни, устал... – говорил Володя, доставая из холодильника рыбную закуску к прикупленному по дороге пиву. – Все приходят ко мне и говорят: «Володя, дай», а хоть бы один кто пришёл и сказал: «Володя, – на!»

Он отрывисто и нервно жестикулировал, суетясь на кухне и не вынимая изо рта дешёвую сигарету:

– Закусим, чем Бог послал. Ты уж не обессудь: жизнь такая пошла, – и тут же добавил ободряюще: – Но что до рыбы, то у меня всё в порядке по этой части. Я всегда с рыбой живу: уж чего-чего, а этого добра-то я всегда натаascaю.

Костя смущённо молчал.

– Раньше-то не так было... В былые времена нам на подлодке вино красное сухое выдавали – по полбутылки на брата полагалось, – снова заговорил Володя, воодушевляясь, после того, как они выпили по кружке холодного пива. – Так мы менялись, посменно, чтобы уж по целой досталось. Знаешь, что такое подлодка! Каких туда ребят берут! – вдруг закричал хозяин. – Ведь это же дело серьёзное. Случись пожар – он за собой должен люк задрать: ему две секунды уйти, а он обязан закрыть и остаться в отсеке! Понял – что это такое?! – Он неожиданно стукнул кулаком по столу так, что подскочила посуда, и вытер слёзы. – Я тебе фотографии покажу, – Володя убежал в комнату и скоро вернулся с затёртым альбомом. – Скольких тут нет! Этого, этого уже... – Он тыкал пальцем в обведённые чёрной ручкой лица на общей фотографии моряков, его руки тряслись, а на лбу выступил пот. – И мне стыдно бывает, что их нет, а я – уцелел, остался... Наливай ещё. «Курск» помянем! Помянем всех, кто остался в море!.. – крикнул он, нервно размахивая руками. – А где ты остановился-то, парень?

Узнав, что Костя живёт в гостинице, бывший подводник стукнул опять по столу.

– Никаких гостиниц! Деньги держать не хватало! Сюда перебирайся. Жена в деревне. Никого ты здесь не стеснишь. Вот тебе ключ – сразу держи, чтобы не забыть: завтра меня не будет: на сутки дежурить ухожу. А ты располагайся и хозяйничай. Не забудь только цветы полить и кошек накормить: рыбу там, в холодильнике, найдёшь. Понял или понял? – возбуждённо и нервно проговорил он. И сразу как-то засуетился, забежал, достал откуда-то пластинку «Песни Владимира Высоцкого», включил старенький проигрыватель «Аккорд», ещё советского производства, на всю громкость.

– А соседи не придут? – спросил Костя, тут же вспомнив свою соседку.

– Они уже привыкли, – махнул рукой хозяин. – Здесь, на Севере, ты узнаешь, что есть настоящая мужская дружба, – добавил он.

– Согласен. Сходим с тобой на рыбалку?

– Да влёгкую! – отозвался Володя с задором. – Я рыбачить мастак. Могу сутками с рыбалки не вылазить: палатку на берегу поставил, лодку накачал, морских червей накопал на речке Камбалице – и всё в охотку: навага, корюшка, камбала всю идёт!

За эти дни Костя буквально ожил. Он взял блокнот, принялся делать наброски, хотя давно забросил рисование. Теперь же Лазарев чувствовал непривычную бодрость. В этот короткий период времени он стал меньше просиживать за бутылочкой пива, зато повадился ходить на рыбалку с Володей, приобрёл снасти и набрался опыта. Лицо и руки его заветрились и загорели; в душе вновь появилась потребность что-то написать...

Однажды Володя взял его к своему, как он выразился, «верному корешу».

– Ты, парень, по жизни не пей, – сказал он накануне Косте. – Увидишь, что от этого бывает. Картина «На дне».

¹² Миронова гора – кладбище в Северодвинске.

Мысленно Константин был готов ко многому, но то, что он увидел, его ужаснуло: перекошенная, висевшая на одной петле дверь, выбитая форточка, свалка вещей на полу, смрад, грязь... В этой обстановке жил человек, больше напоминавший какое-то не слишком похожее на человека существо: несколько лет он не выходил из дома, не мылся, не стриг волос и ногтей. Он пил и жил только этим. Лазареву сделалось очень тяжело, он захотел как можно скорее покинуть это жилище.

– Вот так. Страшнее, чем у Горького. «Человек не захотел жить» называется. Он как личность – уже всё: одна оболочка осталась. А как бросить – друзья были закадычные... Ведь бок о бок мы с ним с юности! Каждый день захожу к нему. Пытался вытащить – без толку! – сказал Володя, когда они вышли от Николая Николаевича, так звали его закадычного друга, и нервно затушил пальцами окурок.

Через год Костя узнает, что Николай Николаевич повесился. «Всё было у него: деньги, три катера... Человек просто не захотел жить...» – хмуро сказал Володя.

Подошло время уезжать. Накануне вечером они устроили застолье, а утром бывший подводник проводил новообретённого друга до автобуса на Архангельск, пожелал ему спокойно добраться до Москвы, просил писать и сказал, что ждёт его на следующий год и что его дом, дом Владимира Наумова, всегда для Константина распахнут. Они обнялись и особым образом пожали друг другу руки: Володя научил его троекратному, «военно-морскому» рукопожатию.

За недолгое время их знакомства Костя успел искренне проникнуться к этому невысокому загорелому человеку с добрым открытым взглядом и синими подглазьями.

– Ты мне, парень, вот что – иголку для «патефона» моего в Москве пораздобудь? Люблю музыку послушать, – прокричал Володя.

– Влёгкую! Я сам музыку люблю, – в тон ему ответил Лазарев, заскакивая в автобус.

Впечатление, произведённое на Константина Севером, было очень сильным. Восторг вызывало всё: белые ночи, обилие судов в портовом городе, бесконечные морские просторы, в разное время суток меняющие цвет, низкие, искривлённые поморскими ветрами красавицы-сосны на побережье за сопками, рядом с бетонными «тумбами», на которых, как рассказывал Володя, в годы войны были установлены пушки; люди – немногословные, суровые, щедрые; а главное – удивительное чувство ни с чем не сравнимой свободы.

Костя понял, что будет приезжать на Север всю жизнь. Он чувствовал что-то родное в этом удивительном крае с неяркой могучей природой.

Видение на берегу

Прежде чем идти на вокзал, Костя решил прогуляться по городу: поезд на Москву отходил вечером. Недалеко от памятника оленеводу в совике и традиционной длинноухой шапке в центре Архангельска парень набрёл на Краеведческий музей и решил его посетить.

В первом же зале Лазарева потрясли экспозиции, посвящённые спецпереселенцам и северянам, погибшим в Афгане и совсем недавно в Чечне: витрины музея были сделаны в виде гробов, и у каждого – фотография паренька, такого же молодого, как он...

В другом зале располагалась выставка природы; были представлены уникальные снимки пещер, здесь же лежали и камни из этих пещер: различные виды известняков – селениты, гипсы, ангидриды.

– Разве в Архангельской области есть пещеры? – удивился вслух Костя.

– Есть, есть... Наши Пинежские пещеры славятся, – откликнулась, услышав его, смотрительница.

– А как их можно увидеть? – поинтересовался он.

– Никак.

– Это почему? – удивился студент.

– У тебя просто денег не хватит заказать туда экскурсию, – отрезала она, окинув его взглядом.

В потёртых джинсах и растоптанных кроссовках Костя, действительно, имел непрезентабельный вид. И деньги у него, в самом деле, были на исходе. Однако слова музейщицы задели парня, и его неудержимо потянуло в эту неизвестную ему Пинегу. «Будь что будет», – решил Лазарев, но уехать, не побывав на Пинеге, зная теперь об этих пещерах, он не мог.

Он не захотел возвращаться к Володе, желая увезти в душе то чувство, с которым они расстались, и решил отправиться на Ягры, чтобы там, на берегу Белого моря, дожидаться утра.

Добравшись на Ягры, Костя развёл костёр из найденных там же, на берегу, коряг и палок. Вечер был тихий, море – спокойное. Становилось прохладнее. Спускался лёгкий туман, соединяясь с поверхностью моря. Костя устроился у костра и хотел задремать, но ему это не удавалось: бодрящая прохлада не отпускала его из реальности. Он так и сидел, подперев голову рукой, глядя то на огонь, то на дремлющее, укутанное туманом, словно пуховой накидкой, море.

Невольно мысли его обратились к семье, дому... Он вспомнил свою бабушку. Бабушка сильно его любила. В последнее время она тяжело переживала из-за ситуации в стране, прежде всего из-за всеобщего отношения к тому, что она считала священным, – к науке. Бабушка была настоящим учёным. Всю жизнь она занималась любимой работой: исследованиями, наблюдениями, составлением прогнозов. После перестройки бабушка продолжала работать, не покладая рук, безвозмездно, на чистом энтузиазме. «Ну зачем вы всё это делаете? – недоумевали родственники. – Вам же за это не платят!» – «Мне это надо. Это нужно людям. Эти уникальные модели перезимовки озимых сохраняют урожай. Мои формулы во многом помогли экономике государства; а климат меняется – и надо разрабатывать новые», – говорила она.

«Но вам же за это не платят!»

«Мы раньше работали не за деньги, а за идею! И я привыкла так жить, – отвечала она на подобные выпады. – Я человек той эпохи. Советский человек. И горжусь этим. Я умру, если не буду работать!».

Увы, никому, кроме неё, этот бескорыстный труд на благо родной страны уже не был нужен. В последние годы бабушка звонила: уговаривала, заставляла продолжить исследования своих бывших коллег и аспирантов, но работать бесплатно никто не хотел.

Отец раньше тоже занимался наукой. В советское время он преподавал в авиационном институте физику, но вскоре после великого перелома наука отступила на второй план, и он начал уделять больше времени частным консультациям. А позже открыл собственную фирму, занимающуюся продажей отделочной плитки. Постепенно этот бизнес начал приносить ему не огромные, но вполне достаточные для достойной жизни в столице деньги. Тем не менее отец по-прежнему был убеждён, что «средства надо расходовать с умом», то есть на самое необходимое. Таковым прежде всего являлись его иномарка, приобретённая несколько лет назад новая дача, взамен отданной под снос бабушкиной, и, конечно, еда.

Отца своего Костя любил, но отношения с ним у него ещё со старших классов установились довольно сложные. В детстве они были большими друзьями. Отец ходил с ним на лыжах, играл в шахматы и учил кататься на велосипеде. Однажды даже взял его на футбол. Костя запомнил тот день как праздник: впервые он видел футбол не по телевизору, а воочию – на огромном стадионе: вокруг много народу, все по-своему участвуют в игре – переживают, досадеют, радуются, открыто выражая эмоции... В детстве с отцом ему было проще общаться, чем с мамой и бабушкой: отец никогда не заставлял его есть, делать уроки и тепло одеваться. И класса до седьмого, пока у Кости не стали появляться «большие желания», их отношения были вполне гармоничными. С годами они начали усложняться, становилось всё меньше и меньше взаимопонимания.

Не понимала его и мать: «Учиться не учишься: разве это учёба? Работать, как все, не хочешь. Учёным – не стал, как бабушка...».

«Он возомнил себя творческой личностью. Но где же его опубликованные книги?» – вторил матери отец.

Особенно раздражало родителей то, что он, по их мнению, «совершенно не стремился к стабильному заработку» и, в отличие от своих сверстников, не искал себе «нормальную» работу. Отчасти это была правда: деньги по-прежнему не интересовали Константина в большем количестве, чем требовалось на насущные нужды. Он подрабатывал их ровно столько, сколько считал нужным, и при этом не гнушался поддержкой родителей. Лазарев не хотел тратить время на «тупое зарабатывание».

«Я не буду работать „на дядю“, заявил он дома. – Я должен писать: я – литературный работник».

«С таким подходом – как жить-то он будет?..» – сетовали родители.

«А вы не давайте ему денег», – советовали родственники, которые почему-то были осведомлены о его жизни едва ли не лучше его самого и с интересом наблюдали за ситуацией.

«Так что толку: он заработает», – вздыхал отец.

Однажды после очередной крупной ссоры с родителями на почве его «безделья» Константин ушёл из дома и явился только через несколько дней в каком-то странном состоянии, с перевязанным грязным бинтом запястьем и взглядом затравленного зверя. Отец вскочил со стула и схватил его за ворот, а он напряг кулаки. Мать встала между ними: «Юра, не трогай его! Пусть он живёт, как хочет!» – взмолилась она. И отец отступил.

С тех пор родители оставили его в покое. И Костя жил так, как хотел, ощущая кожей скрытое недоверие и прежнее недовольство. Со смертью бабушки его жизнь изменилась. Косте стало очень не хватать её присутствия, юмора, оптимизма, даже её заботы, той, что ему надоела, а порой раздражала не на шутку. Но особенно Константину не хватало её рассказов о пережитом... В детстве он очень любил их слушать и теперь сожалел о том, что не записал бабушкины воспоминания. Сидя на берегу Белого моря, Костя пытался воскресить в памяти хотя бы их отрывки.

Бабушка любила собирать рыжики.

«Они напоминали мне детство, – говорила она. – В Приборе у нас был свой деревянный дом. И в погребе всегда стояли бочки с огурцами, с вином и с солёными рыжиками. Я до сих пор помню их вкус, как будто всё это было вчера. Жизнь промелькнула так быстро...

Папа работал помощником машиниста. Наш дом находился недалеко от железной дороги, и мы ребятами часто бегали смотреть на проходившие мимо поезда. Однажды мы, как обычно, играли у насыпи. Приближался конец рабочего дня, и папа скоро должен был возвращаться домой. Обычно машинист притормаживал в этом месте, папа выходил, и поезд шёл дальше. В тот вечер я особенно ждала папу и, завидев приближающийся поезд, на радостях решила пошалить: набрала с земли полные горсти жёлтых камушков и, когда поезд подошёл ближе, стала бросать в него, стараясь попасть в кабину машиниста. А следом за мной это повторили все ребята. Нам было лет по шесть, и мы не понимали того, что делаем. Поезд остановился. Из кабины машиниста вышел мой папа. Я подбежала к нему, хотела обнять, но папа крепко взял меня за руку и строго спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Мы играем...

– Так не играют! – сказал папа и отругал нас всех очень сурово.

Потом он привёл меня домой, снял ремень и так отлупил, что я на всю жизнь запомнила эти *жёлтые камушки*... Больше мы никогда их не бросали ни в один поезд. Папа наказал меня ремнём единственный раз в жизни, и я до сих пор благодарна ему за этот урок».

Костя уже почти не чувствовал морскую прохладу. Он как будто общался с бабушкой, вспоминая её рассказы. Своего прадеда, Анатолия Трофимовича, он не застал; видел его только на портрете, висевшем в бабушкиной комнате. Прадед был изображён крепким, ещё не старым мужчиной с побритой наголо головой.

«Он всегда так брился?» – однажды спросил Костя у бабушки.

«Папа рано поседел, ещё совсем молодым. Он не хотел ходить седым и с тех пор стал бриться „под ноль“, – сказала бабушка. – Я помню, как это случилось...

Однажды папин состав по ошибке отправили не на тот путь: забыли перевести „стрелку“. Раньше было очень строго: железная дорога – объект стратегический, должна работать как часы. И когда товарный состав не прибыл вовремя на место назначения, начальники не стали долго разбираться и, расценив это как вредительство, решили наказать машиниста и его помощника. Папу забрали. Когда он с нами прощался, он, как потом признался, думал, что не скоро нас увидит... Так думала и мама. Она была убита горем и потрясена этой несправедливостью. А я решила ехать в Москву, в Комитет государственной безопасности – защищать отца. Решила – и поехала. Приехала – и не знаю, куда идти: большой незнакомый город, длинные улицы, много народу... Но, как говорится, „язык до Киева доведёт“. Нашла я *то самое здание* на Лубянке, тогда она площадь Дзержинского называлась. Захожу. „Тебе, девочка, что?“ – спрашивают. „Мне надо на приём к начальнику“. – „А по какому вопросу?“ – „Вопрос очень важный и не терпит отлагательства“. Удивительно, но меня записали к какому-то чиновнику. И тут я не растерялась, хотя, конечно же, волновалась не на шутку...

Захожу в большой светлый кабинет. За столом передо мной сидит какой-то мужчина в штатском, гладко выбритый, с приятным лицом. Он усадил меня за стол, выслушал и улыбнулся: „Спасибо, девочка! Какая же ты молодец! Как фамилия твоего отца? Ступай и ни о чём не волнуйся. Мы поможем твоему папе“. Тогда, ребёнком, я верила в справедливость и нисколько не сомневалась, что, если я приеду в Москву, попаду на приём и всё честно расскажу, папу отпустят. Теперь мне даже не верится, что это произошло со мной, что в том возрасте я была способна на такие подвиги...

Но тогда произошло чудо. Не знаю, почему тот чиновник помог: может быть, его тронуло то, что двенадцатилетняя девочка одна поехала в Москву, узнала, куда идти, нашла это здание, не побоялась зайти в него, записалась на приём, чтобы рассказать, что её отец „на самом деле

не виноват, что произошла ошибка“. Может, у него была дочь такого же возраста, как я; я не знаю, что сыграло роль, но, когда я вернулась домой, через несколько дней папу выпустили. „Дочка, ты спасла меня!..“ – говорил он и плакал. Он пришёл весь седой. И с тех пор стал бриться наголо».

Время от времени Костя отвлекался от своих воспоминаний, чтобы подбросить в костёр палки, после чего снова возвращался к ним; представлял себе бабушкино лицо.

«...Однажды я видела волка.

В то время я была ещё совсем юной девушкой, студенткой. Нас, будущих метеорологов, посылали на практику в поле снимать показания термометров, максимальных и минимальных, замерять глубину снежного покрова.

Как-то раз зимою я отправилась выполнять задание одна, без напарницы. Добралась на место, раскопала снег специальной лопаткой, достала термометр; вдруг вижу – по краю поля вдалеке движется тёмная точка. Стало мне как-то не по себе... А показания надо в тетрадку заносить. Достала карандаш, тетрадь, а сама наблюдаю. Тёмная точка – всё ближе. Записала все показания, поднялась и хотела уже идти. Смотрю: впереди приближается огромная собака. „Какая большая собака! Откуда она здесь в поле?“ – думаю. Присмотрелась: это же волк! У меня – душа в пятки... Не знаю, что делать: побежать – догонит, сидеть – дожидаться смерти?.. Я в снег обратно присела: „А вдруг пронесёт...“ Сижу, молю Бога: только бы не заметил, а у самой всё дрожит. А волк приближается. Дошёл до межи, где я сижу, и прямо напротив меня остановился. Стоит и смотрит жёлтыми глазами, как человек, – осмысленно. Я сижу – ни жива, ни мертва: „Ну, всё...“, – думаю. А волк стоит. И смотрим мы друг на друга. „Сейчас либо на меня пойдёт, либо – дальше...“ Волк постоял-постоял, подумал, видно: есть меня – не есть, и пошёл дальше прямо, а потом повернул в лес.

Он ушёл, а я всё сижу. Дрожу... Долго ещё дрожала...»

Ночная прохлада давала о себе знать. Константин подшевеливал затухающий костёр, подбрасывал в него палки и снова садился на прежнее место, напрягал память, пытаясь вновь воссоздать в ней образ бабушки, рассказывающей ему правдивые истории из своей жизни. Он старался припомнить всё – и как можно точнее, не упустив не одной детали, которые теперь казались ему такими важными... Лазарев вспоминал, и странное чувство, будто совсем недавно бабушка рассказывала ему о пережитом, овладевало им всё сильнее. Но более непостижимым казалось юноше то, что она так однозначно и навсегда ушла в прошлое и унесла с собой свои рассказы. И теперь то, что он когда-то не дослышал или подзабыл, так и останется для него неповторённым.

«...После окончания института я работала синоптиком в аэропорту „Внуково“. Аэросиноптик дежурил круглосуточно: он подписывал лётчикам путёвки с разрешениями на вылет. Без его разрешения пилоты не имели права лететь.

...Как раз в ту ночь выпало моё дежурство. У меня было прекрасное настроение: лето, июнь, молодость... Интересная работа, хороший муж. И хотя мы жили в коммуналке, жили дружно и весело, строили планы на будущее, ходили на танцы, в гости, на прогулки в парк... В стране – стабильная жизнь. Ничто не предвещало беды...

Лётчики приходили в аэропорт всегда очень рано и обычно заблаговременно заходили ко мне за путёвками. Я тогда молодая была, интересная, и они любили перекинуться со мной парой слов, пошутить и

всегда ждали мои дежурства. „Лиза, Лизочка сегодня дежурит“, – увидев меня, говорили они друг другу.

..Погодные условия в тот день выдались благоприятные, и я всем подписала путёвки. Но почему-то никто из лётчиков не приходил за своей путёвкой. Сначала мне это показалось странным. А потом начало тревожить: время шло, скоро вылетать, а ни один так и не идёт за путёвкой! Решила идти к ним сама.

Захожу в комнату, где они обычно курили, и вижу: *все* наши лётчики там! Кто за столом сидит, кто стоит, курит, но все они какие-то растерянные и угрюмые.

„Товарищи, что случилось? Почему вы не приходите за путёвками?“ – спрашиваю.

Лётчики молчат.

„Лиза, война...“ – наконец сказал один из них.

Так, одной из первых я узнала о начале войны. Было четыре утра...

Дождавшись, когда начал ходить общественный транспорт, с первым же трамваем я поехала к тёте: сообщить. Еду в трамвае и реву... Ко мне подходят женщины: „Девушка, у вас что-то случилось? Почему вы плачете?“

„Война! Война началась, товарищи! Гитлер на нас напал!“ Люди мне не поверили, начали успокаивать: „Какая может быть война в наше такое стабильное время?!“ А я – навзрыд реву, не могу остановиться... Подумали, что я – какая-то ненормальная, и оставили в покое.

..Весть о войне все узнали только в двенадцать часов, когда по радио выступил Молотов. Сталин не мог говорить: для него это был удар – его предупреждали, но он до последнего не верил, что Гитлер нарушит слово.

До этого времени, до двенадцати, советские люди жили своей обычной, спокойной жизнью. А я – уже знала...

В первые же дни войны к нам в аэропорт начали поступать самолёты с первыми ранеными. Бойцы были ещё в шоке: лёжа на носилках, они кричали и размахивали руками, пытаясь биться с врагом. Они не чувствовали боли, не понимали, что ранены; им казалось, что они ещё в бою... Это было жутко.

Мне запомнилось, как выносят из самолёта носилки: на них молоденький солдат, весь в крови, с перевязанной головой; кричит: „Ребята, бей фашистскую сволочь! Сейчас я им покажу! За мной! За Родину!“ – пытается вскочить, тут же падает обратно на носилки, машет, машет руками... Смотрю: а у него одной руки-то нет наполовину, и вместо ноги – культяпка!.. Руку и ногу – оторвало, а он ещё не понял...

С началом войны весь наш институт был мобилизован. Все ходили в военной форме. У меня было звание младшего лейтенанта, но форму я не носила, так как была беременна.

Родители оставались в Белоруссии. В первые же дни фашисты бомбили Гомель. И я еле-еле уговорила начальство, что мне необходимо слетать за ними на родину. Меня отправили на последнем грузовом самолёте в качестве бойца-наблюдателя.

Маму я забрала, а папа остался: он хотел идти в партизаны.

Мой муж, дедушка Алексей, ушёл на фронт добровольцем, хотя у него была бронь как у кандидата наук. Я позже тоже просилась на фронт, но мне отказали: „Куда тебе на войну: ты с ребёнком! Нам и в тылу нужны специалисты“.

...Когда начиналась бомбёжка, звучал сигнал воздушной тревоги и все отправлялись в бомбоубежище. Там на сыром бетонном полу, кто сидя, кто лёжа, пережидали атаку. В здании оставались только два человека: начальник и дежурный синоптик. К нам непрерывно поступали телеграммы со всех метеостанций Советского Союза.

С тревогой мы ждали телеграмм с западных станций: идут – значит, эта станция ещё не взята фашистами! Это вселяло какую-то надежду... Станции отмечались на карте красными флажками; по ним мы определяли линию фронта и красным карандашом наносили её на карту, с болью в сердце наблюдая, как она приближается к Москве. Как только телеграммы с какой-нибудь метеостанции прекращались, это означало, что она взята... Взятые станции на карте зачёркивали чёрной тушью. Когда становилось ясно, что станция захвачена, мы уже знали, какая будет следующей и, волнуясь, следили за телеграммами: сколько же она продержится – сутки, два часа, а может, пятнадцать минут?.. Телеграммы отправляли до последнего...

В одно из моих дежурств я сидела за столом и отмечала на карте линию фронта. Мой стол стоял почти вплотную к окну. Я сидела, склонившись над картой... В какой-то момент встала разогнуть спину, и только отошла на полшага назад, как в ту же секунду окно вместе с рамой с грохотом падает мне на стол! Его выбило взрывной волной. Весь мой рабочий стол был в стёклах! Поверх бумаг лежало огромное арочное окно в деревянной раме. Я стояла, смотрела на это окно и не могла двинуться с места, чувствуя дрожь во всём теле. Не знаю, что меня подняло в тот момент, но если бы я тогда не встала и не отошла на каких-то полшага, меня бы убило этим окном... Я всегда верила в Бога, и до войны и после. Проходя мимо церкви, я каждый раз мысленно крестилась и читала про себя молитву.

...Продуктовый паёк, который мне выдавали, я делила на две части. Одну – съедала, а из другой сушила хлеб на сухарики, сыпала их в мешочек и копила. А потом отвозила мужу. Он писал, что у них солдат кормят хорошо, а офицеров – не очень. И я старалась хоть как-то его поддержать.

Помню зимний пустынный тракт, кругом – лес, по краям – высокие сугробы, над головой – луна в тёмном небе. И я иду к нему этой зимней лесной дорогой...

Мне очень повезло с моим мужем. Алексей был добрейшим человеком, очень спокойным и умным. Двенадцатилетним мальчиком он уехал из деревни в Москву и пошёл в ученики столяра-краснодеревщика. Выучился, поступил в институт и достиг хорошего положения...

Алексей очень любил детей. Когда он возвращался с работы, все ребята в нашем дворе выбегали ему навстречу: „Дядя Лёша идёт, дядя Лёша!“ – кричали они, лишь только завидят издали его высокую фигуру. Для всех у него обязательно что-то находилось: кому даст конфетку, кому – орех, кому – какую-нибудь железку или интересный винтик... Он очень меня любил, во всём помогал по дому. Грубого слова от него ни разу не слышала. Только однажды „курицей“ назвал, когда пошли с ним в кино и в фойе какой-то молодой человек попросил меня подсказать время. Мой Алексей был очень ревнивый.

...Когда он уходил на войну и прощался со мной, в последний момент остановился у двери, обернулся и попросил меня: „Лиза, дай мне слово, что не выйдешь замуж за другого!“ И я дала ему это слово. И держу его, став вдовой

в двадцать пять лет... Алексей прошёл всю войну и погиб на обратном пути от рук западноукраинских бандитов... Мне даже не сообщали: боялись. Но однажды пришло письмо от его командира...

Во время войны мы с мамой и годовалым сыночком были отправлены в эвакуацию, в Омск. Серёженька умер по дороге от воспаления лёгких. Я потом целый год смотреть не могла, как копают землю. Если где-то траншеи рыли, отворачивалась...

А в сорок третьем родилась Катя, твоя мама. Алексей её очень любил. Когда он погиб, ей было всего два годика. И она как почувствовала: ночью вскочила в кроватке: „Папа, папа!“ – кричит. Не могла её успокоить...

Когда умер сынишка, я снова просилась на фронт, но мне опять отказали; отправили поднимать колхоз в Сибири – председателем. Я сначала испугалась: „Да, как же я буду работать председателем? Я же агрометеоролог, а не администратор!“ – „Партия приказала – выполняйте“. Делать нечего. Пришлось подчиниться.

Приехала в колхоз. Там работы – непочатый край!.. Поначалу местные приняли меня враждебно. Сначала я растерялась, а потом начала сама работать как лошадь, пример показывать и воспитательные беседы проводить. Убеждала: „Надо, надо, товарищи, страну поднимать! Стране тяжело. Война“. Женщины посмотрели местные, как я работаю, и тоже подрядились. И дела в колхозе стали налаживаться.

Там среди женщин были немки Поволжья. Они меня научили, как правильно молотить. Я же до устали сноп за снопом в молотилку кидала. А снопы ведь большие, тяжёлые... Кидаю, пока голова не закружится. А они делали не так: две минуты поработают, две – перерыв. И меня так заставили. Я попробовала – мне и правда понравилось: устаёшь меньше, а делаешь столько же.

А ещё они сами взбивали сливки и делали масло. Как-то раз угостили меня этим маслом: до чего же оно вкусное! Никогда я такого масла не ела. С тех пор, как взбивал кто-то из женщин сливки, всегда звали меня: „Лиза, ко мне сегодня иди!“, „А завтра – ко мне!.. А потом Анна взбивает“.

Подружилась я с этими женщинами. Жили и работали мы хорошо; потом, когда я уезжала, расставались мы как родные, плакали...

В то время в колхозе я столкнулась с большой проблемой. Единственным комбайнёром работал казах. Он был очень ленивый: ничего делать не хотел. Как я с ним только ни билась! И стыдила, и заставляла, и ругала – всё без толку. Он либо говорил, что комбайн сломан, либо делал вид, что не понимает. Я уж не знала, что с ним делать. Думала, загубит урожай... И тут, на моё счастье, кто-то из местных подсказал мне, что они, казахи, оказывается, любят, чтобы их похвалили.

И я решила попробовать. Увидела его, и давай хвалить: „И такой ты у нас, Рафшан, хороший, и такой-то ты трудолюбивый...“ И подействовало! Не поверила своим глазам, как он заработал! Не узнать – то ли дело! А я знай себе всё его нахваливала – подбрасывала дровишки в огонь. Весь урожай мы успешно убрали, даже перевыполнили план! А на следующий год наш колхоз все планы перевыполнил и стал миллионером.

Руководству моя работа понравилась, и меня стали направлять в другие колхозы налаживать их деятельность.

А под конец войны я снова в Москве оказалась. Помню случай смешной. Как-то несколько наших сотрудниц где-то достали присланные из Германии выходные платья. И однажды явились в них в наш институт на торжественный вечер. Платья нарядные, все в оборках, но какие-то очень уж тонкие, чуть ли не прозрачные... Ну, мы, подумали, что за границей такая мода. А потом к одной нашей даме в заграничном „платье“ подошла жена нашего начальника и объяснила шёпотом, что на ней вовсе не платье, а комбинация! У нас-то такого нижнего белья не продавали в то время, и наши дурочки приняли их за платья! Откуда им знать-то было! Они, бедные, со стыда там чуть не сгорели! Не знали, как домой добираться! Темноты дождалась – и бегом, прячась за кустами, из института выходили... Ох, и смеху-то было!..»

...Неожиданный всплеск перебил его воспоминания. Парень стал вглядываться в туман: вдалеке ему показались очертания лодки, удалявшейся в море. В этот момент он ощутил лёгкое движение воздуха. Туман начинал слегка расходиться, и сквозь пелену Костя увидел призрачный силуэт. «Корабль! Какой-то большой и старинный», – подумал он и стал вглядываться пристальнее.

В дымке над морем, словно сквозь матовое стекло, силуэт проступал всё отчётливее: нарядный, белый, стремящийся ввысь мачтами с небольшими надутыми парусами. Торжественный, величественный, строгий... Одна из мачт, самая высокая, была вверху чуть согнута. Ошеломлённый, Костя не мог отвести взгляд от открывавшегося ему чуда. «Нет, кажется, это не корабль... – осенило парня. – Что же это такое?»

Паруса и мачты на его глазах превращались в изящные луковицы и высокую колокольню с погнутым шпилем. По очертаниям куполов Лазарев догадался, что это был старинный собор. «Собор... Откуда он здесь в море?» – не сразу сообразил парень.

Костя заворожённо смотрел на него, боясь пошевелиться. Это продолжалось несколько мгновений, пока видение постепенно не растаяло в молочной дымке.

«Какой удивительно красивый собор! Мне обязательно надо его найти: это какой-то знак. Ведь не просто так он мне явился! Может быть, этот собор – на Пинеге? Может, не зря меня туда так потянуло?» – подумал Костя и, не дожидаясь рассвета, затушил костёр и стал выбираться из города.

По пути ему встретился бар, и парень решил зайти в него. Фразой «у нас ещё рано собирать бутылки!» его «поприветствовал» нарядный вышибала.

– А я вовсе не за бутылками пришёл, – ответил Костя.

– Тогда садись пиво пить...

Выпив горячего чая, а потом кружку пива, Костя отправился дальше: он решил «попасть»¹³ автостопом в сторону неведомой, манившей его Пинеге.

Дорога, узкая, петлявшая между горами, красивая и опасная, казалось, несла его в сказку. Ощущение сказки было и в самой Пинеге, куда он добрался лишь к вечеру на попутных лесовозах: чистая голубая речка, спокойно бежавшая под высокими елями, заросли можжевельника, называемого местными «верест», белый песок – «седун», обилие карстовых озёр, отличающихся способностью то уходить под землю, то появляться снова; старинные деревянные дома на улицах посёлка и его приветливые жители, говорившие немного нараспев, – всё здесь дышало каким-то непривычным спокойствием. Косте сказали, что пещерами «заведует» некий Пал Палыч и без его ведома лучше в них не соваться.

¹³ Добираться (местн.). «Куда попадаешь?» – «Куда добираться?»

Пал Палыч

Крепкий мужчина лет тридцати восьми, атлетического сложения, в косынке, завязанной на голове «по-пиратски», вышел ему навстречу. На вопрос студента: «А где здесь живёт Пал Палыч?» он протянул загорелую, с татуировкой на предплечье, руку со словами: «А я – он и есть» и сразу повёл парня в дом. Усадил за тяжёлый дубовый стол с резными ножками.

– Маша, хлеб принеси! – велел он жене.

Отрезал здоровый ломоть хлеба и налил кваса в глиняную пол-литровую кружку, придвинул угощение гостю:

– Бери. Что, пещеры решил посмотреть? Я под холодильник их использую! Всё там храню: оленину, сало... А Маша вон вчера на скалах весь день загорала, а потом в пещеру полезла – простудилась.

– На скалах? Здесь и скалы есть?! – удивился Костя.

– Здесь всё есть, – твёрдо сказал Пал Палыч, глядя ему в глаза. – Я как егерем устроился в заповедник, всё тут исползал, и скажу тебе прямо: край богат и непознаваем!

– Он в любую пещеру без огня может отважиться пойти, – вступила в разговор Маша, его худенькая черноволосая жена, выглядевшая намного моложе Павла. – Сам даже одну открыл, а в тот день у его друга сын родился, – и назвали пещеру: «Колыбелька». Он ведь уходит, по десять дней в пещерах живёт один! Только боязно мне бывает: цыганка ему предсказала однажды: он погибнет, спасая другого человека. По весне рыбаки у нас под лёд провалились, а он был невдалеке, увидел. Бросился спасать, всё нырял за ними. Трёх вытащил, а один утонул: не успел...

– Ладно, не трещи, – сказал он незлобно Маше. – Я лишь смотрю, чтобы не сорили, не пакостили Природе. Во всяком случае, пока я здесь, этого не будет. Да так – нервишки успокаиваю, люблю понаблюдать... Иной раз столько всего она сама тебе сообщить готова: надо только заткнуться и послушать, посмотреть по сторонам. А вы всё куда-то торопитесь, бежите, не замечая важного...

В Голубино, километрах в восемнадцати от Пинег, неподалёку от пещер, в выкрашенном голубой краской, отведённом для егеря доме жил с женою Пал Палыч; там не было даже электричества. А воду он брал прямо из реки.

– Здесь чисто. Никаких заводов, комбинатов, промышленности нет, – рассказывал он Косте. – Здесь заповедник, а летом и детский природный лагерь организовали. Но что не каждого человека надо пускать в пещеру – моё убеждение глубокое.

– Это уж точно. Он не каждого поведёт, – вставила Маша.

– Как-то приехали тут одни с наглыми рожами, кавказцы. «Кто здесь Ярунов?» – говорят. Я вышел. «Я, – говорю, – Ярунов Павел. Что надо?» – «Давай, – говорят, – веди нас в пещеры – показывай». Не понравились они как-то сразу мне своей наглостью. Сказал им: «Я в пещеру вас не поведу». А они мне на это: «Веди давай – мы денег дадим», – заявляют. «Сказал – не поведу, значит не поведу. Без толку уговаривать. Уезжайте отсюда». Они в ответ на меня с кулаками полезли: оскорбились, типа. Пришлось тогда им вломить – так, что мало не показалось! Еле ноги унесли! Не люблю наглых людей, кто о себе мнит слишком много!

Он напоминал Косте дядю Ивана: такой же прямой взгляд, короткая стрижка, чуть выдающийся мысик волос на линии лба, та же быстрая и нервная манера общаться.

– Мне здесь хорошо. Грибы-ягоды, в реке – рыбы немерено. Третий раз как с войны пришёл, вернулся в родное Вáлдокурье – семь километров отсюда, а здесь работу предложили – так и остался. Я – лесной житель и ничего мне другого не надо: ни Архангельска, ни Москвы, – заключил он.

Костин взгляд упал на висевший у русской печи портрет девочки-подростка с очаровательной наивной улыбкой.

– Портрет дочери моей Настасьи, от первой жены. Художник один приезжал тут, жил у меня. Я ему говорю как-то: «Ты художник? Так покажи своё мастерство». А она тут же сидела у меня, дочь-то. Он при мне из печи достаёт головешку и прямо углём одной линией за десять минут портрет набросал вот этот... А в пещеру сходим. Я вижу, ты парень – правильный. Покажу тебе «Китеж». И никаких денег не предлагай, не возьму, – сказал Пал Палыч и посмотрел ему пристально в глаза своими светло-голубыми прищуренными глазами: его взгляд был открытым, но тяжёлым.

«Очень трудный человек», – говорила о нём Маша.

Пал Палыч прошёл не одну войну. Служил в спецназе, был воином-миротворцем и носил голубой берет. На последней войне, в Карабахе, его контузило, после чего, как сказала Маша, «он сделался безбашенным». По её словам, ему нельзя было пить: когда выпивал, то становился несдержанным и агрессивным. Он пытался кодироваться, но, как и дядя Иван, всё равно срывался.

Вечером, как и обещал, Пал Палыч повёл Костю в пещеру «Китеж», названную в честь древнего города. В логу у подножия скалистой карстовой возвышенности темнел едва заметный лаз – вход в пещеру. Вблизи веяло прохладой, и не было комаров.

– Не каждый сюда полезет, и пещера пускает не всякого: она тоже испытывает человека, – сказал Пал Палыч, зажёл фонарик и отправился первым.

Костя полез за ним, перед собой он видел только ботинки Пал Палыча. Лаз был настолько узок, что, казалось, пещера обнимала его спереди и сзади и прижимала к каменистому полу, состоящему из известняковых пород и глины. В одном месте Лазареву пришлось выдохнуть воздух, чтобы пролезть дальше.

Пал Палыч обернулся:

– Сейчас легче пойдёт. Это – «шкурник»¹⁴.

– Шкурник? – переспросил его Костя.

– Или «шкуродёр» – мы так называем эти ходы, они ещё уже намного бывают: иногда, чтобы пролезть в них, приходится раздеваться, а потом царапины остаются на спине и груди. А ещё в них можно застрять, и тебя придётся вытягивать.

Лаз был длиною около четырнадцати метров, но Косте показалось, что все пятьдесят. Постепенно лаз начинал расширяться и выходил в просторный предвходовой зал, где в свете фонарика заиграли бриллиантовым блеском и засеребрились тонкие ледяные кристаллы сказочной красоты, облепившие своды пещеры; иные были чуть ли не с ладонь величиной, нежные, полупрозрачные. Ничего подобного Лазарев никогда не видел. Словно замороженный, он любовался ледяными цветами; вдруг случайно зацепил головой на потолке их куст, и они тут же с серебряным звоном посыпались.

– Осторожно: они очень хрупкие, – предупредил Пал Палыч. – Это – сублимационные льды. В каждой пещере они разной формы.

Пещера «Китеж» была трёхуровневая и имела разветвлённую систему ходов. Здесь открывался удивительный подземный мир – таинственный и сказочный. Были здесь ледяные натёки – сталактиты и сталагмиты самой причудливой формы; дремали летучие мыши – обитатели исконно чистых природных мест, прицепившись лапками к сводчатым стенам, были «камины»¹⁵ и «языки»¹⁶, «трубы»¹⁷ и лабиринты, встречались необычайно красивые камни:

¹⁴ «Шкурник», или «шкуродёр», – узкий проход в пещере, по которому передвигаются ползком. При этом нередко остаются следы царапин на спине и груди. Подчас ползти приходится на выдохе.

¹⁵ «Камин» – разновидность вертикального образования карстовой породы в пещере.

¹⁶ «Язык» – разновидность образования карстовой породы в пещере, по форме напоминающая загнутый язык.

¹⁷ «Труба» – разновидность вертикального образования карстовой породы в пещере.

голубой ангидрид, розовый гипс с ангидридовыми вкраплениями. Подземная река «сифоном»¹⁸ соединяла «Китеж» с другой пещерой – «Голубинским провалом».

Пал Палыч проползал в самые узкие щели: ему было *это всё нужно* и интересно. Он вытягивался, как змея, и, несмотря на плотное сложение, пролезал там, где не мог протиснуться даже поджарый Костя, где, казалось, невозможно пролезть человеку.

¹⁸ «Сифон» – узкий подземный проём, заполненный водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.